
ОГОНЁК
№ 6 ФЕВРАЛЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Магаданская область. У незамерзающей реки Тала.

Фото Мих. Лифшица.

На первой странице обложки: Зимой на строительстве Сталинградской ГЭС. Подвесная канатная дорога через Волгу.

Фото В. Тарасевича.

На последней странице обложки: Сирия. Старинные оросительные колеса — нории — в городе Хама. Такие колеса были впервые здесь сооружены еще римлянами, и с тех пор они подают воду в сады и огороды древнего города.

Фото Н. Драчинского.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 6 (1599) 2 ФЕВРАЛЯ 1958 36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПРИЗЫВ МАМАЯ

Имя забойщика шахты № 2 «Северная» треста «Краснодонуголь» Николая Мамая с недавних пор стало широко популярным в нашей стране. Он предложил начать социалистическое соревнование за перевыполнение ежедневных производственных норм. Призыв этот нашел горячую поддержку у шахтеров и металлургов, токарей и строителей.

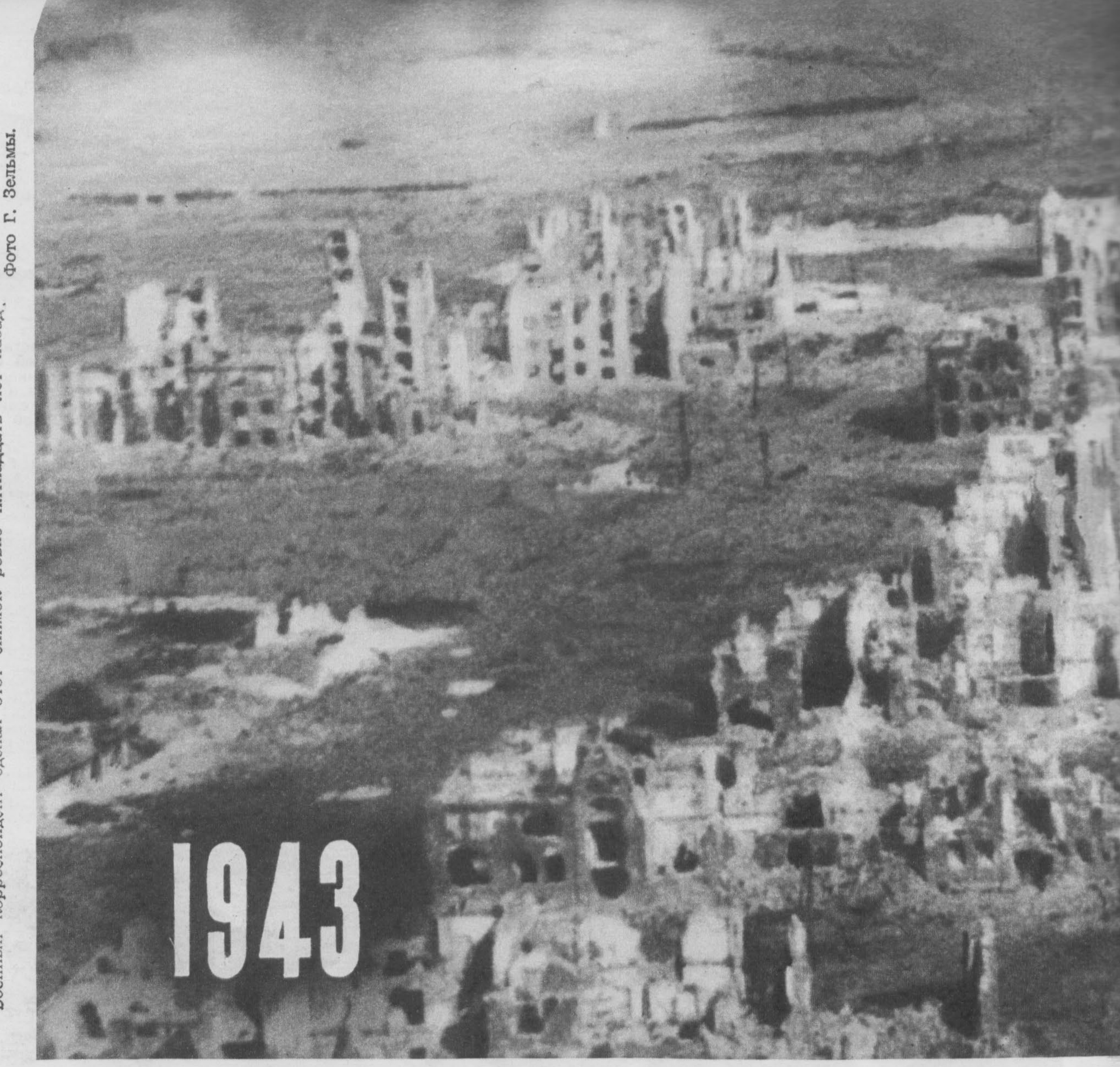
— Работать, как Николай Мамай,— заявляют они.— Ведь каждый рабочий — и передовой и рядовой — может заканчивать свой трудовой день выпуском сверхплановой продукции.

На снимке: бригада забойщиков шахты № 2 «Северная» треста «Краснодонуголь». Слева направо (в первом ряду): Н. Генчев, Герой Социалистического Труда Н. Мамай, И. Войцеховский; во втором ряду: И. Фисантов, А. Абросимов, С. Незамдинов, И. Комиссаров; в третьем ряду: В. Манченко, И. Сидоров; в четвертом ряду: Н. Курса, С. Полторак, М. Бабушкин.

Фото Н. Козловского.

СТАЛИНГРАД

Военный корреспондент сделал этот снимок ровно пятнадцать лет назад. Фото Г. Зельмы.

1958

Сталинград сегодня. Этот снимок сделан с той же точки.

В. Тарасевич В. Полынин.

Пятнадцать лет назад советские войска победоносно завершили историческое сражение у стен Сталинграда.

Кто бы ныне ни прибыл в этот город, соотечественник или иностранный гость, он проникается одним и тем же настроением, потому что стоит на священной земле—сталинградской. Слово „Сталинград“ на всех языках мира стало символом мужества. стойкости и беззаветной любви к Отчизне.

СТАЛИНГРАД

Сегодня, глядя на Сталинград, нельзя не видеть кранов: краны крупнейшей в Европе ГЭС, краны порта на Волге, краны, поднимающие жилые дома...

Белый дым

Анатолий КУДРЕЙКО

Снегу зима намела...
Иней
на каждой лозине...
Светятся окна села
где-то далёко в низине...

А небеса голубы
в лунном морозном покое!
Дымы,
как будто столбы,
высь подпирают собою.

То ли от света снегов,
то ли от лунного света
дымы простых очагов
облачно-белого цвета!

Рад я,
что цвет этот бел,
рад я,
что трудятся трубы...
Все бы глядел и глядел,
как округляются клубы!

Тень пробегает от них
зыбью по искристой крыше...
Полный видений одних,
вишенник шепчется тише...

Я бы пошел по дворам,
я бы стучался к вам,
люди!..
Я прикасался б к дверям,
к теплой гончарной посуде.

Прямо в объятья огня
хворост кидал бы часами...
Может, узнали б меня!
Может, припомнили б сами!

Где ты, солдатская мать!
Ты обнимала, как сына!..
Видишься ясно опять
ты у сожженного тына.

Нас через гарь пепелищ
мчали со скрежетом танки.
Там на могилах жилищ
труб обгорали останки.

С кручи безрукий ветряк
тучи молил о подмоге...
Сотни фашистских вояк
в снег свои кутали ноги.

Черный, удушливый дым
стягивал петли на горле...
Все, что видал молодым,
в памяти годы не стерли...

Может, в селе никогда
встреча не ждет
сталинградца...
Это, друзья, не беда!
Белые дымы клубятся!

Снегу зима намела...
Иней
на каждой лозине...
Светятся окна села
где-то далёко в низине...

← Недавно в русском и египетском городах-героях появились новые названия двух улиц: в Порт-Саиде — улица Сталинграда, в Сталинграде — улица Порт-Саида.
Готовясь к празднику, сталинградцы украсили свой город. Гирлянды разноцветных огней зажглись на перекрестке улиц Порт-Саида и Мира.

28 января в Большом Кремлевском дворце открылась пятая сессия Верховного Совета РСФСР четвертого созыва. На снимке: в зале заседания.

Фото С. Раскина.

ЧУВСТВО УВЕРЕННОСТИ И «ПОЛИТИКА СИЛЫ»

Письмо из США

Альберт КАН

Как и миллионы моих сограждан, я с нетерпением ждал традиционного выступления президента Эйзенхауэра по телевидению «О положении в стране». «Задача этого послания,— сказал президент,— изучить меры, которые могли бы вселить в американский народ чувство уверенности в его безопасности». Должен сказать, что послание не вызвало во мне этого чувства.

С первых же слов Эйзенхауэр заявил, что в послании этого года он коснется двух наиболее жизненных задач. Первая, как он выразился,— это «обеспечить нашу безопасность с помощью силы»; вторая — «проделать конструктивную работу, направленную на обеспечение подлинного мира». Что касается второй задачи, то ей, правду сказать, было уделено довольно мало места.

Характерным для всего тона послания было то, что говорил президент Эйзенхауэр о «активах» американского народа. «Из наших активов,— сказал он,— давайте бросим прежде всего взгляд на нашу военную мощь». С подчеркнутым удовлетворением автор послания изобразил «широкий комплекс пехотных, морских и воздушных военных соединений, великолепно оснащенных и стратегически развернутых по всему миру».

После войны в Корее, с гордостью утверждал президент, правительство Соединенных Штатов истратило двести двадцать пять миллиардов долларов на вооружения.

В течение двух месяцев до послания Эйзенхауэра в стране шла оживленная дискуссия. Люди старались осмыслить внезапно свалившийся им на голову факт: русские, как оказалось, обогнали США в некоторых важных областях науки и техники. Президент в своем послании счел нужным коснуться только военного значения научных достижений Советского Союза. Констатировав, что русские ушли вперед в области межконтинентальных баллистических снарядов, он тут же утешил своих слушателей: «Всего лишь несколько времени тому назад мы расходовали на баллистические ракеты примерно один миллион долларов в год; в 1957 году мы израсходовали много более одного миллиарда... Рост составляет тысячу процентов».

И добавил: «Какое бы ни вызывал удовлетворение такой прогресс, мы должны сделать еще больше!»

Едва ли следует комментировать этот странный образ мышления.

Президент привел еще одно подтверждение «мощи» американской нации — «наша собственная безопасность в огромной степени возросла благодаря союзническим связям». Правда, он осторожно уклонился от того, чтобы упомянуть о довольно общеизвестном факте: эти «союзнические связи» расползаются по мере того, как в недрах государств—членов НАТО растет массовое возмущение против упрямо воинственной политики США. Всего за неделю до послания Эйзенхауэра «Нью-Йорк таймс» напечатала следующее сообщение одного из своих европейских корреспондентов: «Здесь существует мнение, что Соединенные Штаты, которые должны были бы возглавить союзные державы, не имеют ни желания, ни способности, ни намерения выработать меры для смягчения напряженности между Западом и Востоком».

Президент счел, однако, нужным снабдить своих слушателей еще одним доказательством могущества Соединенных Штатов. «Производительность и легкая приспособляемость американской экономики,— говорил он,— образует солидный фундамент структуры нашей безопасности». Здесь Эйзенхауэр явно вступил на зыбкую почву. Достаточно просмотреть конъюнктурные обзоры и десятки статей в газетах под такими заголовками: «На западном побережье безработица среди сельскохозяйственных рабочих самая суровая, какую знала страна»; «Признаки тревоги на Юге»; «В Чикаго сокращение занятости на заводах и в торговле»; «Филадельфия опасается спада»; «Рост увольнений сгустился, как туча, над Коннектикутом»; «Нью-Йорк вместе с его штатом — зеркало приостановки подъема»...

Соглашаясь с тем, что «имеется некоторое снижение занятости и производства», президент заявил: «Но основные силы подъема остались незатронутыми. Есть солидные основания для уверенности, что экономический подъем возобновится без большого перерыва».

Президент не счел нужным объяснить своим слушателям, что эта его безграничная вера в «экономический подъем», по сути дела, строится лишь на дальнейшем «процветании» военной промышленности. В самом последнем выпуске «Уикли маркет ньюс-леттер», бюллетеня, издаваемого Уолл-стритом, мы читаем следующие патетические строки:

«По-видимому, правительствам нелегко расходовать большие средства на мирные объекты, чтобы преодолеть спад в деловой активности... Расходы на военные цели гораздо выгоднее... и большое просперити, которым мы наслаждались начиная с 1940 года, почти целиком обязано великому подъему национальной экономики, вызванному войной. И если мы не были бы и сейчас в состоянии войны, мы не могли бы рассчитывать на эффективное противодействие наметившемуся экономическому спаду».

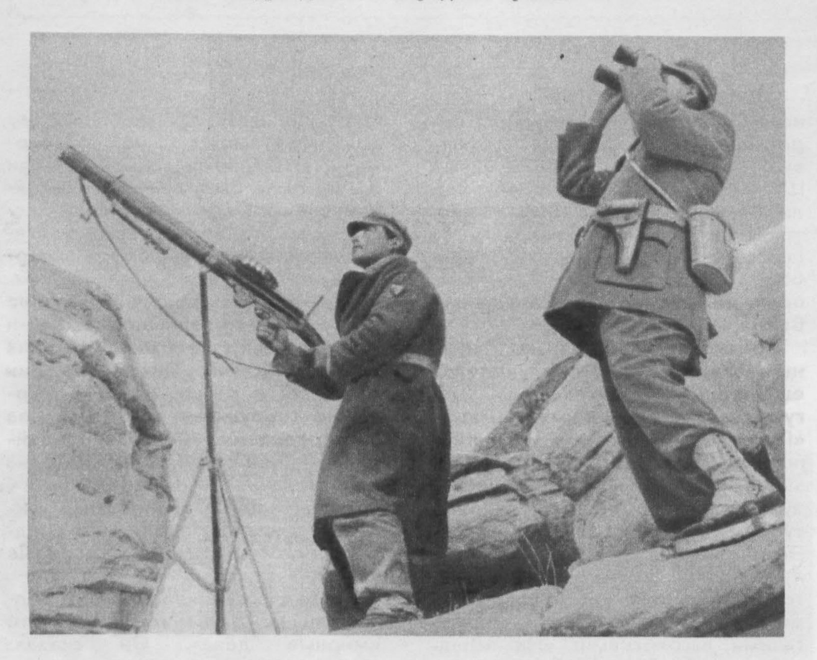
Эйзенхауэр закончил свою речь провозглашением восьми «повелительно необходимых» для нации действий. Почти все они относятся к расширению и ускорению вооружений и в США и за их пределами. Одно из «действий» — увеличение расходов на «образование и исследования», но, увы, и здесь видна явная тенденция: использовать эти средства прежде всего на военные цели.

Последнее из «действий», предложенных Эйзенхауэром,— это «мирные дела». Он сказал: «Мир должен остановить стремление к созданию все более разрушительного военного оружия и сделать поворот, который сможет твердо направить наши шаги к прочному миру».

Станет ли человек, находящийся в здравом уме, спорить против такого предложения? Но оно имело бы много больше убедительности, если бы прозвучало не в самом конце речи, призывающей американский народ ускорить гонку вооружений...

Через два дня после президентского послания о положении в стране я присутствовал на собрании, созванном Американским братством (квакеры) в одной церкви невдалеке от городка Санта Роса. Участники собрания горячо требовали прекращения испытаний атомного оружия. Они говорили, что нужны не слова о мире, а дела, направленные на его укрепление. Они были единодушны в том, что надо установить дружеские отношения с Советским Союзом. Один из ораторов сказал: «Пора признать, что мы, американцы, не избранная раса, а такой же народ, как все другие». Другой выразился так: «Нам надо сделать выбор: либо ракеты, либо люди и их счастье».

Мысли, которые высказывались на этом собрании, мне кажется, лучше и полнее выражают положение в стране, нежели послание президента.

Алжирская Армия национального освобождения (АНО) — гордость своего народа. В дни зарождения — в ноябре 1954 года — это были разрозненные отряды патриотов, вооруженные охотничьими ружьями. Сейчас Армия национального освобождения насчитывает более ста тысяч солдат и офицеров. За счет трофеев, взятых в боях у французских колонизаторов, она вооружается современным оружием. Вот одно из подразделений народной армии.

АЛЖИР

Колонизаторы, как огня, боятся солидарности других арабских народов с борющимися алжирскими патриотами. На границе Алжира и Туниса они построили проволочное заграждение протяжением более 300 километров и пропустили по проволоке электрический ток. Даже правые французские газеты сомневаются в эффективности этого «мероприятия».

Никогда делегаты Конференции солидарности народов стран Азии и Африки не забудут момента, когда на трибуну вышел представитель мужественного народа Алжира. Борющийся Алжир, героически сражающийся с колонизаторами, стоя приветствовали представители остальных сорока четырех стран двух великих континентов, участвовавших в Каирской конференции.

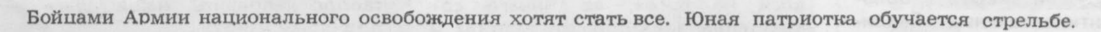
Страшную повесть о том, как французские колонизаторы терзают народ Алжира и бесчеловечно расправляются с теми, кто борется за независимость родины, услышали делегаты конференции.

В течение столетия коренные жители Алжира были лишены двух третей своей земли. Алжирское население превратилось в массу обнищавших полупролетариев. Хлеб, который составлял основной продукт питания алжирцев, стал производиться в гораздо меньших количествах.

До 1914 года в Алжире было 9 миллионов голов крупного рогатого скота, к 1950 году его осталось только 4 миллиона. Алжирцы не пьют вина, но французские колонизаторы отобрали почти полмиллиона гектаров лучших земель под виноградники.

В стране острая безработица. Потерявшие свое имущество алжирцы вынуждены покидать страну для того, чтобы искать работу на чужой земле. Варварский гнет французских колонизаторов привел к тому, что 1 но-

На наблюдательном посту.

Бойцами Армии национального освобождения хотят стать все. Юная патриотка обучается стрельбе.

Народ оказывает помощь частям освободительной армии. «Находящееся в зачаточном состоянии независимое алжирское государство,— писал корреспондент «Манчестер гардиан»,— имеет много больше ос-

БОРЕТСЯ

Сплоченность и мужество алжирского народа в освободительной борьбе приводит колонизаторов в ярость. В городах и селах Алжира неистовствуют профессиональные каратели из Иностранного легиона. Такую сцену «обыска подозрительных» можно наблюдать на каждом шагу.

Десятки тысяч беженцев блуждают по стране, спасаясь от расправ колонизаторов.

ября 1954 года алжирский народ восстал против угнетателей. С тех пор война идет по Алжиру.

Делегат Алжира говорил:

— Французские колонизаторы не щадят ни имущества, ни жизни алжирских граждан. Поджоги, грабежи и разрушения чередуются с пытками и убийствами. Колонизаторы не считаются ни с возрастом, ни с полом. Мужчины, дети и старики подвергаются одинаковому кровавому насилию. И с каждым днем ярость колонизаторов усиливается.

Факты показывают, что весь Алжир — от Средиземного моря до Сахары и от тунисской до марокканской границы — терпит тяжелые страдания от оккупантов — восьмиста тысяч французских солдат и полицейских.

...В настороженной тишине слушали делегаты Каирской конференции леденящие кровь факты о бесчинствах колонизаторов на земле Алжира.

Все народы мира — с народом Алжира!

Каирская конференция приняла решение о помощи алжирскому народу в его героической борьбе за независимость. Сердца советских людей вместе с алжирским народом.

Алжир сражается!

Алжир победит!

Анатолий СОФРОНОВ

Готовится засада...

И все чаще летят под откос автомашины оккупантов...

нований рассчитывать на преданность народа, чем разлагающееся французское колониальное господство». На снимке: крестьянка поит водой девушек из санитарной службы АНО.

Подразделение АНО на марше. Мужественные борцы за свободу и независимость Алжира снискали сочувствие и поддержку честных людей всех стран. Пример алжирских патриотов вдохновляет всех подлинных сторонников мира и независимости народов.

Münchner Illustrierte

Miltenberg am Main beschloß einstimmig:

Wir wollen keine Raketen

«Мы не хотим никаких ракет!» — так озаглавил свой репортаж западногерманский журнал «Мюнхенер-иллюстрирте». Над тихим городком Мильтенбергом на Майне (фото слева вверху) нависла угроза: он стал площадкой для строительства ракетных установок.

В своем протесте жители Мильтенберга единодушны. Бургомистр Антон Блатц (у окна и у карты) не желает слушать увещеваний военных властей о том, будто установки предназначаются «для обороны». Крестьянин Генрих Шолль (фото справа вверху) категорически отказывается отдать свою землю под ракетную площадку. Лесорубы, работающие поблизости, в горах Шпессарта, обсуждая во время обеденного отдыха известия о том, что стратеги нового вермахта решили превратить лес в ракетный полигон, говорят, что не желают вызвать на себя ответный удар, если ракеты будут пущены в ход.

Еще ни разу археологам не удавалось обнаружить корабль римской эпохи (за исключением нескольких грузовых барж), хотя известно, что римляне имели оснащенные морские флотилии.

В 1939 году у северных берегов Сардинии водолаз Ладзирино Мецца наткнулся на морском дне на большой груз сосудов — амфор. Было очевидно, что здесь когда-то затонуло древнее римское судно. Но при вторичном погружении водолаз не нашел его.

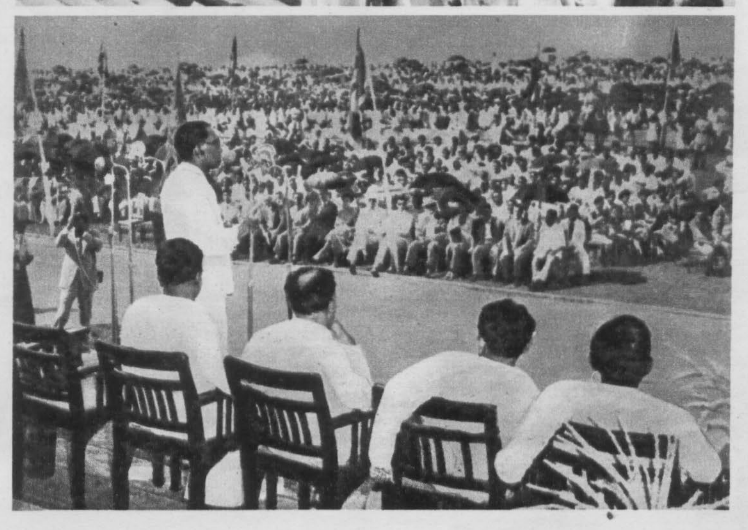
И вот через восемнадцать лет историк Джанни Роги снова обнаружил останки корабля и амфоры, пролежавшие на дне моря около двух тысяч лет.

Если корабль удастся поднять, что вполне возможно при небольшой глубине моря в этих местах, он будет первым римским судном, которое воочию увидит современный мир. На снимке: водолазы-археологи над затонувшими амфорами.

На Цейлоне с 1 января 1958 года автобусный транспорт перешел в руки государства. Национализировано свыше трех тысяч трехсот автобусов, принадлежавших семидесяти семи частным компаниям.

Н а с н и м к а х: Жители Коломбо у национализированных автобусов.

Премьер-министр Цейлона Бандаранаике обращается к населению Коломбо с речью на торжественной церемонии, посвященной национализации автобусного транспорта.

Л. С. Котляров. НА ФРОНТ.

Я. Д. Ромас. УТРО.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

Первый рейс

Рассказ

Виктор ИЛЬИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

В эту весну в приволжское село Асташиху занесло каким-то ветром вербовщика из затона. Вербовщик — высокий однорукий мужчина в зеленом, гремящем, словно жесть, плаще, надетом на короткое пальто, сидел в правлении и рассказывал, загибая короткие пальцы:

— Во-первых, холостежи на реке чем выгодно? Новые места, так скать, увидят. Это раз. Потом заработок у нас, конечно, подходящий и харч соответственно. Это тоже выгодно, так скать... Срок подойдет — во флот опять же возьмут, а не в пехоту... А все знают, что морской повар равен сухопутному офицеру...

Холостежь — молодые парни, — надсаждаясь, курили до зелени в лице, жадно слушали вошедшего в раж вербовщика:

— Весна пришла — полный вперед! — и гуляй, так скать, дыши свежим воздухом. Стала река — стоп машина! — иди в затон, любое ремесло изучай, вникай...

И как ни уговаривала Егора мать, с тоской глядя на разлучника, как бы спрашивая его: «На что тя черти-то принесли?», — ушел Егор из села, ушел в Разнежье, где в затоне зимовали суда местной линии.

Из пароходной трубы клубами валил тугой дым. Пароход «Гряда», стоявший у берега, натянул канат, закрепленный за толстое бревно, как бы силясь уйти из надоевшего затона.

Солнце плавило медные поручни мостика, каплями растекалось по оковке ступенек, яркими бликами лежало на свежевыкрашенной верхней палубе; в его лучах бесцветным казалось даже пламя дуги, трепетавшее у сварщицы, которая варила что-то на носу парохода.

Егор поднялся на «Гряду» по жиденькой доске с наколоченными поперек планками и остановился, заглядевшись на брызгающий искрами огонек дуги.

— Эй, парень, ослепнешь! — раздался предостерегающий мужской голос.

Егор оглянулся, на всякий случай широко раскрыв в улыбке рот с крупными, словно тыквенные семечки, зубами. На него смотрел усатый мужчина в серой стеганке, придерживая рукой черную фуражку с желтым якорем в плетеном ободке.

— Ослепнешь, говорю, — повторил усатый. — Шляются тут, понимаешь, без дела.

— Я по делу, — заробев, хрипло произнес Егор. — У меня направление...

Сварщица, сбив на голову серый щиток, похожий на корыто, ожгла Егора быстрыми черными глазами и усмехнулась:

— В ученики, что ли, метишь?

— Не-е, — простодушно улыбнулся Егор. — Я матросом налаживаюсь на «Гряду»... А ты бы взяла? — осмелел он.

— Ишь ты, прыткий какой! — удивилась сварщица. — Долго учить надо...

Мужчина в стеганке, громыхая сапогами, скатился по лестнице вниз и подошел к ним. Сунув Егору черствую руку, сказал:

— Боцман Крохалев.

Егор достал из кармана направление из отдела кадров и отдал боцману. Тот долго читал бумажку, потом, откашлявшись, произнес:

— Атлетов, стало быть... Раньше не плавал? Нет? Вот то-то и оно, мать честная! Присылают, понимаешь, молокососов...

— Я вообще-то здоровый, — глухо сказал Егор, исподлобья глядя на боцмана («А вдруг не возьмут!»). — И старательный.

— Ну, ладно, — произнес боцман. — Тащи багаж, а я капитану доложу о тебе.

Позднее Егор, перетащив чемодан и вымывшись в бане, сидел, блаженно щурясь от яркого солнца, в носовом салоне и читал устав водного транспорта — маленькую серую книжицу. Читал Егор усердно и спохватился только тогда, когда до конца осталось листка три. Вспомнил, боцман наказывал: «Не спеши!» Егор стал глядеть в окно.

Маленький, юркий буксир из затона вытягивал огромный плавучий кран. Ажурная стрела крана покачивалась, и Егору казалось, кран похож на гуся, вразвалку идущего к воде. Снег местами на берегу сошел, и темные проплешины дымились легким паром, словно земля отходила после бани.

В кубрике Егор разместился рядом с койкой хмурого пожилого матроса Мокина. У матроса было заросшее волосами лицо, на котором, казалось, не оставалось места для улыбки, и колючие зрачки глаз, угрюмо смотревших на окружающих. Пассажиров Мокин не любил, норовил хлестнуть их по ногам мокрой шваброй при уборке, а когда пароход подходил к пристани, матрос зло орал на женщин, спешивших первыми выскочить на берег за покупками:

— Куды претесь? Али там яйца двужелтошные и ком масла в середке?

Мокин был списан на «Гряду» с транзитного парохода за грубость, считал, что с ним поступили неправильно, грозился написать в Москву и на свое пребывание на местном пароходишке смотрел как на временное.

— Ставь полдиковинки, — коротко приказал он Егору. А когда Атлетов нерешительно произнес, что у него нет денег, посоветовал: — Выпроси аванс, скажи, кусать нечего. Серый ты еще, как пожарный рукав.

Денег Егор достал и, сбегав на берег, принес поллитровку. Мокин прокуренным ногтем сколупнул сургуч с бутылки и, стукнув в донышко широкой, словно кормовик, ладонью, вышиб пробку. Осторожно налил водку в зеленую эмалированную кружку. Выпив, крякнул удовлетворенно:

— Тама!

С минуту он оценивающе смотрел на Егора выпученными глазами, а потом сказал, ожесточенно скребя по подбородку:

— Не потребляешь, значитца? Ничего? Ты, главное, не тоскуй... Черт привык — и в аду живет...

— Да я не тоскую, — глухо отозвался Егор, но Мокин перебил его:

— Пассажирочки, брат, поладаются — я те дам!

Егор, стараясь, чтобы Мокин не заметил выступившей на лице краски, нагнулся, будто поправляя чемодан, стоящий под койкой.

— Ба, ба! — заблеял Мокин. — Ишь, налился... Привыкнешь. Запомни, Мокин тебе друг до гроба...

Он пьяно икнул и, повалившись на кровать, неожиданно запел тонким и визглизым голосом:

Хорошо на Волге жить —
Ходят пароходики,
Невидаючи летят
Молодые годики!

Кубрик находился внизу, в трюме, почти в самом носу парохода. В нем сумрачно и жарко. Под потолком в борту два круглых окошка с толстыми мутно-зелеными стеклами. «Иллюминаторы», — вспомнил Егор их название.

Над головой что-то заскрипело, заскрежетало, залязгало железом. Егор испуганно посмотрел на Мокина.

— Это шпиль пробуют. Ну, видел, там, в носу, посередь палубы штуковина с кумполом

торчит? — пробурчал матрос и снова замурлыкал что-то. — Крохалев это все. Каждой дыре затычка...

Грохот утих, и Егор услышал, как за тоненькой обшивкой хлопают по борту волны. Приподнявшись на цыпочки, он потянулся к иллюминатору: волны были от катера, тащившего настоящий двухэтажный дом. «Брандвахта № 236», — прочел Егор.

— Глядишь? — Мокин ударился в философию. — Гляди, приглядывайся... Матрос все должен знать... Матрос — это орел...

— Как, ты орел? — Егор вздрогнул от внезапного появления боцмана, неслышно вошедшего в кубрик. — Ты орел, который не летает, а куски со стола хватает. — Боцман подозрительно повел носом и коротко спросил: — Опять, Мокин?

— Што, што опять? — захорохорился матрос. — Ты мне наливал? Божа ты мой, вечно все шишки на Мокина! Лезут прямо в душу...

— Ну, понес! — махнул рукой боцман.

— Нет, постой, — наседал Мокин. — Скажи: у тебя душа, а у меня балалайка, што ли?

— Не хочется мне для первого рейса скандал подымать, — ответил Крохалев, — а то я бы тебе сыграл на этой балалайке:

Эх, пароходик «Гряда»,
Поскорей отчаливай.

Мокин вдруг полез к боцману целоваться.

— Люблю я тебя, Семен! Один ты тут из тертых-то остался... Ты думаешь, я не понимаю? Нет, брат, шалишь! — Он зачем-то погрозил пальцем Егору. — Мокин все понимает, он не животный...

— Ладно, ладно, — утихомиривал боцман, подталкивая его за плечи к койке. — Ложись!

Повозившись, Мокин уснул. Боцман спросил Егора:

— Водку ты покупал? Чтоб первый и последний раз! Понял? Иначе спишут... Пойдем на палубу, в восемнадцать отвал!

Голосисто орал, захлебываясь паром, гудок «Гряды», махали шапками на берегу люди, и посуровевший боцман истово смотрел на мостик, ожидая команду убрать чалки. От непривычного шума и взволнованной беготни Егору сделалось боязно, он прижался спиной к стенке каюты и смотрел, как медленно тронулись и поплыли назад затонские постройки. Палуба под ногами мелко подрагивала, словно пароход роптал на задержку, стараясь быстрее выйти на простор реки.

— Пошли! — возбужденно крикнул Егору боцман. — Прощайся до осени!

Егор взглянул на берег. Вдоль уреза воды шла девушка в брезентовой спецовке. Егор присмотрелся и, узнав в ней давешнюю сварщицу, умиротворенно подумал:

«От такой ослепнешь... Озорная, видать!»

Пароход «Гряда» переделан из буксирного. У него узкий, длинный корпус с отбитой на уровне воды красной линией, белая одноэтажная надстройка с полукруглой заплатой колесного кожуха посередине. Иные жители прибрежных сел успевали прожить полвека, старились, а «Гряда» все так же шлепала по Волге плицами, появляясь весной на реке с последними льдинами и уходя в затон, когда осенью шло сало.

Весенняя распутица надолго отрезала Разнежье от областного центра Приволжска, и поэтому пассажиров на пристани было много.

Егор стоит с боцманом на пристани, проверяет билеты. Норовит спрашивать строго, басом, как Крохалев:

— Ваш билет?

— Сейчас, дяденька, сейчас! — частит парень в зеленой стеганке, торопливо развязывая зубами уголок платка, где спрятан билет.

— Какой я те дяденька, — конфузится Егор, — глядеть надо!

В узком пролете пристани разноголосые крики, смех, надрывный детский плач. Озабоченный шкипер пристани громко бьет в колокол, и тогда пароход, уставший от шума, толчеи, ударов волн, кричит протяжно и сердито: «Уйду-у-у!» — и для острастки подтверждает: «Да, да!» Когда пароход крикнет это в третий раз, он, облегченно пошевелив застоявшимися колесами, отойдет в самом деле.

Егору кажется, каждая вещь имеет свое лицо. Маленькие речные трамвайчики, например, похожи на озорников-мальчишек. У них пронзительные голоса, стремительно откинутые назад надстройки, и даже кольца дыма из трубы вылетают озорно. Буксир-плотовод, низко осевший в воду, походит на степенного мужика, устало идущего после работы домой...

Пассажиры прошли на пароход, пристань опустела. Сейчас будет отвальный гудок, и Егор уберет сходни. Но вместо гудка Егор слышит чей-то повелительный голос:

— Боцман, на минутку!

— Третий кличет, — поясняет Крохалев и уходит в каюту, в двери которой прорезано маленькое окошко, как у билетной кассы. Вскоре он возвращается. — Будем муку грузить. Надо всех позвать, кто от вахты свободный. Заработать можно неплохо. Вот и посмотрим, какой ты здоровый!

Егор отвечает степенно, как, бывало, мужики в деревне:

— Приработок — это подходяще. Все к загону борозда...

Прямо за пристанью глинистая стена берега. С нижней палубы Разнежья не видать. Да и смотреть некогда: идет погрузка.

— Ходи, соколики! — сипло орет Крохалев, стоящий наливалой-подавальщиком мешков. — Отвалим — отдохнем...

Егор старается; приседая пониже, просит боцмана:

— Клади еще!

— Пупок развяжется, — ласково язвит боцман и толкает легонько. — Следующий!

Егорова очередь за Мокиным. Сейчас Мокин подставит широкую сутулую спину, на которой даже через плотную стеганую подушку выпирают костлявые лопатки, и, согнувшись, как длинный гвоздь, понесет мешок... Егор тоже нагибается, чтобы ловчей принять очередную ношу.

— Последний, — слышится голос боцмана. — Ну, чего ты встал, Мокин?

Егор распрямляется и видит, что Мокина перед ним нет. Широкий мешок лежит на краю железного столика.

— Что я, дурак, что ли! — огрызается Мокин, отходя в сторону. — Последний мешок носить. Пусть дураки носят!

— Ну, ты! — задохнулся от возмущения Крохалев. — Умник!.. Чего из себя корчишь? Подходи, тебе говорят!

Крепко пахнет рыбой и смолой. Тоскливо кричат чайки, с размаху кидаясь в мутноватую, желтую воду. Слюдой отблескивают чешуйки воблы, насоренные на палубу. Молчат матросы. Слышно, как звучно плещет в смоляной бок пристани крутая волна да одышливо выдыхает пар водогон.

«Раз... два... три», — считает Егор удары волн и говорит:

— Дядя Крохалев, я возьму!

Сердце у Егора стучит громко, и он краснеет чуть не до слез: вдруг услышат матросы. Руки у боцмана устали поддерживать мешок, и он соглашается:

— Бери!

Егор легко уходит по круто наклоненному трапу на пристань. Уходя, слышит визгливый голос Мокина:

— Ты меня за мануфактуру на хватай! Думаешь, боцман, так можно?

Скрылось за мысом Разнежье, и снова шлепается плицами вверх по течению «Гряда», усами расходятся за кормой неторопливые волны.

— Ты сам, Егорка, не понимаешь, на что ты решился! — Боцман расстегивает ворот косоворотки со множеством пуговиц («Как на гармошке», — сравнивает Егор) и, облегченно покрутив головой, продолжает: — Еще с бурлаков тянется это: кто взвалил последний мешок или ящик, тот последний человек... Вот Мокину-то и нелюбо. Смеяться, мол, станут надо мной. А ты вот в общем молодец, Егор!

Они сидят на носу «Гряды». Шумит вода, взрезанная острым пароходским носом. Смотрит Егор на реку, покрытую пятнами ряби, похожими издали на потемневшие весенние льдины, и хочется ему сказать боцману что-то ласковое, теплое. Но таких слов нет, и, озабоченно вздохнув, Егор великодушно говорит:

— А может, он от слабости, Мокин-то? У него ведь плоскостопие, его и во флот не брали, он мне говорил об этом...

— А!.. — раздраженно машет рукой Крохалев. — Плоскостопие!.. Разум у него, — боцман крутит пальцем возле виска, — плоский... Ну, мы с ним еще потолкуем об этом...

Крохалев лезет в карман, достает оттуда пару воблин и протягивает одну Егору:

— На вот, пожуй! Посолись маленько... Скоро на вахту.

Поздно ночью электросварщицу Галку Спиридонову вызвали в затон: на «Гряде» течь в дымогарных трубках котла.

— Работнички! — ругается Галка, перетаскивая с берега держак и ящик с электродами. — Не успели двух рейсов сделать — и снова в затон...— Заметив на палубе боцмана Крохалева, она язвительно кричит: — Ударничкам привет! Доброе утро, Крохалев!

Боцман не в духе, но связываться с Галкой не хочет, а поэтому глухо бормочет:

— Кому доброе, а кому нет! — И сердито цыкает на Егора: — Спишь! Помоги человеку!

Егор поспешно хватает ящик с электродами («Тяжелый, черт! А она одной ручкой!») и несет его следом за Галкой. За сварщицей ужом извивается толстый резиновый кабель. Злость у Галки прошла, и ей даже делается жалко парня, ни за что обруганного Крохалевым.

— Боцман! — окликает Галка Крохалева, склонившегося над трапом в котельное отделение. Тот с готовностью поворачивается к ней. — Ты не знаешь случайно, какая снасть самая длинная на судне? (Краем глаза Галка замечает: Егор слушает.) Говорят, язык у боцмана? Ах, нет?! — притворно изумляется она. — Тогда извини, пожалуйста...

Крохалев стоит молча и только губами шевелит, словно леденец сосет. Егор уважительно провожает взглядом стройную даже в брезентовой куртке Галку, ловко спускающуюся в пышущую жаром кочегарку.

— Видел? — Боцман коротко и смущенно хохотнул. — Не приставать и не чалиться! Я што. Самого капитана, понимаешь, Левонтия Васильевича, отбрила раз. Тот, конечно, расстроимшись был, стал родителей упоминать при ней... А она про партком плавсостава ему намекнула. И капитан сразу полный назад!

На палубе пусто: пассажиры спят, не подозревая, что сейчас происходит на пароходе. И только завтра, узнав, что простояли ночью в затоне два часа, будут они ругаться, если пароход опоздает. Но этого не будет, боцман говорит, наверстаем в пути, лишь бы Галинка не подвела. «Не подведет», — думает Егор и с надеждой заглядывает в котельное отделение.

Из кубрика появляется Мокин. Лицо его помято после сна, в волосах виднеется перо из подушки, тельняшка неряшливо заправлена в брюки. Шаркая калошами, обутыми на босую ногу, он пробирается на корму. Заметив боцмана и Егора, стоящих возле входа в котельное, он подходит к ним и заглядывает вниз, туда, где трещит и полыхает пламя сварки.

— Скоро? — спрашивает он у боцмана и, не дождавшись ответа, кричит вниз: — Эй ты, ковыряло затонское, скоро?

В котельном шумно: гудит форсунка в одном из котлов, шипит пар, с треском плещется пламя сварки, окутывая Галину клубами дыма. Поэтому внизу крика Мокина не слышат. Зато Егор срывающимся голосом говорит матросу:

— Мокин, перестань! Не тронь ее лучше!

— Што-о? — изумленно тянет Мокин. — Да ты кто такой есть?

Кулаки у Егора сжаты. Боцман всовывается плечом между матросами и укоризненно произносит:

— Не авраль, Мокин! Правильно тебе сказано, не тронь ее. Давай, давай! — Крохалев легонько подталкивает Мокина к кубрику.

— А чего он, понимаешь, свою капризность выставляет! — бубнит Мокин, шлепая по палубе калошами. — Если девка нравится, так бы и говорил. А с тобой не хочу зла иметь...

Егор разжимает кулаки и облегченно вздыхает. Он не замечает, что рядом с ним стоит Галка, которая слышала крик Мокина, но не могла оторваться от работы, а вот сейчас поднялась на палубу и смотрит, как боцман уводит матроса.

Далеко за кормой «Гряды» зыблющаяся волна набегает на берег и, возвращаясь обессиленная обратно, тащит с собой веточки, щепу, сушеные огрызки коры. И всю свою силу

почти тратит «Гряда» на эти вползающие на приплеск волны, неутомимо шлепая плицами по воде. Неутомимо... Мокин знает, как достается эта неутомимость «Гряде». Машина у парохода старая, изношенная, почти ровесница Мокину. И, может быть, поэтому он каждый раз, когда видит год рождения машины, высеченный на медной дощечке, теплеет душой, словно и впрямь видит ровесника. И блестящие махины коленчатого вала, размеренно вращающие колеса, кажутся ему гигантскими руками, отмахивающимися от времени и невзгод.

Каждый год, приходя на зимовку, пароход облегченно вздыхает, выпуская из стальной утробы клубы пара, доверчиво тычется носом в берег и застывает неподвижно, словно радуясь долгому зимнему отдыху.

Мокин вместе с боцманом садится в лодку и объезжает вокруг судна. Краска на корпусе облупилась, пожухла. Черная маслянистая линия отчетливо прочерчена на корпусе у самой воды. Мокин ругается: вечно эти нефтеналивные баржи теряют груз, портят вид судам, опять придется корпус оттирать керосином. От давности бока корпуса словно исхудали, на них отчетливо проступают ребра набора.

Затем боцман и матрос обходят пароход, заглядывают во все закоулки, поднимают слани — разборные полы в трюмах, — глядят, нет ли течи. И всякий раз, когда на судне становится непривычно тихо, грусть заползает в душу матроса.

Раз под сланями Мокин нашел письмо. Писала, видимо, мать сыну. Между многочисленными поклонами от родных и соседей сообщалось, что мать шибко скучает, ждет его на побывку. Мокин долго стоял в холодном полутемном трюме, в который падал свет из маленького зеленоватого иллюминатора. Роились мысли: какой он, этот сын?

Мокин потом все вглядывался в пассажиров — молодых парней, не подойдет ли который, не спросит ли о письме. Но так и не дождался, ни один не спросил. Раздосадованный матрос выкинул письмо за борт. Оно не сразу упало в воду, а, подхваченное низовым ветром, унеслось за корму, туда, где вились чайки. Да и в самом деле, мог ли кто догадаться, что письмо потеряно на пароходе, а чудак-матрос будет хранить его...

На «Гряде» привыкли считать Сергея Мокина, или Серегу, как его звали все, горьким пьяницей. Ругали его за это на каждом собрании, продергивали в стенгазете. А он, ожесточаясь все больше, терял себя, силился казаться героем, характер выдерживал, как он говорил боцману, которого уважал за то, что тот старше его.

Если в прошлые годы Серега еще сдерживался, не пил перед выходом на вахту, то нынче его прорвало. Все чаще боцман замечал, что Мокин «приложился». Вот и в этот раз на ночной вахте матрос опять был под хмельком.

— Смотри, Сергей, — предупредил боцман, — капитану доложу...

Мокин молча махнул рукой: отвяжись, мол, — и прошел мимо.

Пароход подходил к пристани. На палубе зажгли костры, и сделалось светло, как днем. На крыло мостика из рубки вышел третий штурман Немцев, который стоял на вахте. Нагнувшись к переговорной трубе, штурман что-то скомандовал. Колеса «Гряды» на секунду замерли, а потом заработали на задний ход. До пристани оставалось несколько метров, когда Немцев отчаянно крикнул:

— Вахтенный, кранцы опусти!

Мокин вылез на обносы и, держась одной рукой за поручни, поднял плечом кранец — толстое бревно, подвешенное одним концом к надстройке, — ссунул его. Заторопившись к другому кранцу, он поскользнулся и, нелепо взмахнув руками, свалился за борт в густую дегтярную воду.

Через мгновение он вынырнул, ошалело мотая головой. Течение, быстрое и верткое в узком проходе между бортами судна и пристани, затянуло его под колесо «Гряды». Одна из плиц медленно, словно нехотя, ударила Мокина по голове, и он скрылся под водой.

Егор, стоявший в пролете, вздрогнул от истошного женского крика. Вслед за тем он увидел, как в воздухе мелькнуло несколько спасательных кругов. Боцман, расталкивая пассажиров, столпившихся у выхода, с багром в руках пробирался на корму.

«Не успеет», — подумал Егор и, еще сам не понимая, что делает, прыгнул за борт.

Мокина ему удалось поймать возле борта, позади колеса. Толстая плица оцарапала матросу лицо, оглушила, но не утащила под днище; Егор, уцепив Мокина за шею одной рукой, тяжело взмахивая другой, подплывал к берегу. На «Гряде» включили прожектор, зачем-то стали спускать лодку, привязанную к кормовой мачте, рулевой остервенело дергал ручку гудка, и заспанный гудок сипло орал, надрывая души.

Бывают в июле такие дни, когда налетает с севера холодный ветер. Тогда Волгу начинает штормить. Волны, обгоняя друг друга, катятся против течения, и белопенные гребни их кажутся окутанными паром. Дым, вырываясь из пароходной трубы, подхваченный ветром, обгоняет судно, быстро исчезая в сумеречной дали. Стрижи, подгоняемые шлепками ветра, низко носятся над водой.

У Сосновской россыпи, там, где в реку вонзается песчаная коса, переходящая в зеленый горб острова, волны бушуют особенно яростно. Волга шумит здесь, словно лес в ненастье. Но сегодня реку словно выгладили утюгом: нигде не шелохнет и не плеснет. Только в том месте, где мель, на поверхности тугие пятнышки ряби.

Сейчас за россыпью будет крутой поворот, а затем у высокого горного берега пристань и село Сосновское.

С верхней палубы «Гряды», куда коротким гудком вызвали вахтенного Атлетова, уже видно, как отражаются в воде и гора с разбежавшимися по ней домишками, и белый мосолок церкви, и сама голубенькая пристань. Егору впервые доводится быть в рубке, он даже слегка этим подавлен. Но на него пока не обращают внимания; Егор успокаивается.

Рулевой небрежно касается рукояток штурвала, нос судна уваливается влево, пароход ловко входит в крутое колено поворота. Штурман Немцев укоризненно советует рулевому:

— Одерживай, Кузьма!

Кузьма с заговорщицким видом оглядывается и чуть заметно подмигивает Егору, явно намекая на штурмана: учи, мол!

В уголке рубки на высоком табурете примостился незнакомый Егору мужчина. На нем темно-синий китель, один рукав которого пристегнут булавкой к карману. Однорукий добродушно улыбается Егору; щерит рот в улыбке и Егор, показывая крупные, словно тыквенные семечки, зубы.

— Не узнаешь, Атлетов? — спрашивает мужчина. — Так скать, героем стал и старых знакомых забыл... Помнишь, весной я у вас в селе был?

— А... — тянет Егор, вспомнив вербовщика. Тот подает Егору руку, и матрос осторожно пожимает ее.

— Зачем звали, товарищ штурман? — спрашивает Егор.

— Торопишься? — отзывается Немцев.

— Так пристань же...

— Вот и гляди, как подходить будем, — говорит штурман, — учись... Дай привальный! (Это уже тоном приказа.)

Егор нажимает на рукоятку, от которой тянется тонкая проволока к медному колпаку сирены. Раздается продолжительный, тугой гудок — привальный.

Штурман выходит на мостик, наклоняется к переговорной трубе. «Гряда» сбавляет ход. Егор, свесившись через поручни, видит, что кранцы спущены, а Крохалев стоит на обносе, разбирая руками тонкую снасть — легость. Егор оглядывается на вербовщика. А тот негромко и ободряюще говорит:

— Ничего, Атлетов, ничего... Капитан приказ написал, с Немцевым на вахте учеником рулевого будешь... Так скать, повышение выходит тебе...

Возится и никак не может уснуть в эту ночь Егор. В кубрике непривычно тихо. Смутно белеет подушка на койке Мокина, оставленного в Приволжске в линейной больнице до следующего рейса. Где-то наверху, на палубе, визгливо играет гармонь, мерно дрожит корпус парохода, плюхается в борт волна за волной. Не спится Егору, утомленному и взбудораженному событиями последних суток. Завтра в Разнежье он сойдет с «Гряды» и съездит в Асташиху: капитан дал ему двое суток отпуска...

Кажется Егору, непременно встретит он Галку, а она, увидев его с чемоданом в руках, усмехнется: списали, знать, желторотого. Тогда Егор, не торопясь, ответит ей: «Нет, на побывку на двое суток». «Так у плавсостава летом не бывает отпусков». «Бывает», — усмехнется Егор и расскажет Галке все, как было.

Не спится... Егор одевается, выходит на палубу и сразу же натыкается на боцмана.

— Чего не спишь? — удивляется Крохалев, но, видно, поняв, что творится в душе у Егора, больше вопросов не задает. Несколько минут оба стоят молча. Наконец Егор, широко улыбнувшись, говорит боцману, прислушиваясь к чему-то:

— Слышь, как бьют, дядя Семен? Слышь, как наяривают: «Я бегу в Разнежье, я бегу в Разнежье...»

Проплывают мимо темные берега Волги, дрожит и переливается широкое полотнище света, ложащегося на воду из пролета, дружно молотят тугую грудь реки пароходные колеса, и боцману впрямь чудятся в их ритме навязчивые слова: «Я бегу в Разнежье». Боцман даже губами шевелит, повторяя их, и, понимающе глядя на Егора, произносит:

— Соскучился, значит!

г. Горький.

ПЕВЕЦ СТАЛИНГРАДА

А. Г. Будников. СТОЯТ НАСМЕРТЬ (Сталинград). 1949 год.

В тридцатых годах в клубе станции Верхний Баскунчак, неподалеку от Сталинграда, открылась выставка рисунков художника-самоучки пятнадцатилетнего Саши Будникова.

Юный художник был премирован двухнедельной поездкой в Москву, в Третьяковскую галерею, и вскоре затем он поступил в художественное училище.

А недавно в историческом Музее обороны Царицына — Сталинграда появилось новое большое полотно о Сталинградской битве, написанное Александром Будниковым, кандидатом искусствоведения, доцентом Киевского художественного института.

Участник сражения у стен Сталинграда, Будников в 1947 году окончил Киевский художественный институт и поступил в аспирантуру. Вскоре им была создана первая картина, «Стоят насмерть».

Крутой, обрывистый берег Волги. Гвардейцы генерала А. И. Родимцева отбили еще одну атаку гитлеровцев. Не здесь ли родилась крылатая фраза: «Для нас за Волгой земли нет!»

Вторая большая работа, попавшая затем в Сталинградский музей, была написана в 1954 году на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. Работая над ней, Будников ездил на Волгу, сделал десятки эскизов. Защита диссертации проходила в Московском художественном институте имени В. И. Сурикова. Картина «На защиту Сталинграда», изображающая переправу советских войск в осажденный город, получила высокую оценку.

Недавно Александр Гаврилович написал третью картину, посвященную любимому городу-герою, «На земле сталинградской». Она экспонируется сейчас в Москве, на Всесоюзной юбилейной выставке. Темой этой картины послужило посещение исторического Мамаева Кургана премьер-министром Индии Джавахарлалом Неру. Неру увез с собой в Индию как реликвию горсть сталинградской земли.

В. ШУМОВ

Восточные языки в узбекской школе

Преподаватель В. Г. Старыгин ведет урок языка хинди. Фото А. Рахимова.

С нового учебного года в некоторых школах Узбекистана введено изучение восточных языков.

...Ташкентская школа № 59. В третьем классе сегодня урок китайского языка. В класс входит учительница Чжан Юй-хуа.

— Ни хао! — приветствует она школьников.

— Ни хао! — громко отвечают ей дети.

Так на китайском языке звучит «здравствуйте». Школьники с интересом изучают язык братского китайского народа. Ученица Машкурат Шарафутдинова уже свободно читает короткие предложения, написанные учительницей на классной доске.

В другой ташкентской школе — № 144 — преподается язык хинди. Занятие ведут выпускники Восточного института А. Р. Якубов и В. Г. Старыгин.

За прошедшие месяцы ребята из третьих и четвертых классов выучили уже более ста слов и могут составить несложную фразу.

Интерес у школьников к изучению языка хинди огромен. Здесь сказывается общность культуры, в частности сходство ряда слов.

Педагоги не ограничиваются классными занятиями. В школьном кабинете индийского языка несколько стендов. Один из них озаглавлен: «Хинди, руси — бхай, бхай». Другой стенд посвящен теме «Культура Индии». Учащиеся знакомятся с бытом, нравами, обычаями народов Индии.

С. НЕСТЕРОВИЧ

Патенты Константина Циолковского

У этого стенда подолгу задерживаются посетители Политехнического музея. Здесь впервые экспонируются оригиналы патентов К. Э. Циолковского. Все, кто пришел посмотреть недавно открытую выставку о завоевании космоса, эти подлинные документы изучают с особым вниманием.

Разные языки, разные страны мира. Девять столиц — Петербург, Вашингтон, Вена, Париж, Берлин, Рим, Лондон, Брюссель, Стокгольм — выдали эти свидетельства Константину Циолковскому в начале нашего века. Вместе с подробным описанием изобретения в каждом из них указано местожительство русского ученого: Калуга. Но, видимо, британский чиновник департамента изобретений, выписывая 8 декабря 1910 года патент на «Усовершенствование газовых мешков или оболочек для дирижабля», был убежден, что он не согрешил против географии, направив конверт Циолковскому в русский город... Колонга. Мало кому известная в ту пору за рубежами России Калуга теперь, после запуска спутников, всеми заслуженно

считается колыбелью ракетоплавания, городом, где родилась идея создания космического корабля. Сюда, на Коровинскую улицу, в дом № 61, в квартиру № 6, и пришли почти полвека назад из разных стран эти патенты.

А. ЕФИМОВ

СОЗДАТЕЛЬНИЦА КУБИНСКОГО БАЛЕТА

Балет «Жизель» на сцене ГАБТа. Жизель — Алисия Алонсо. Граф Альберт — В. Семенов. Фото Б. Борисова.

По приглашению Министерства культуры СССР в Советском Союзе гастролирует известная кубинская балерина Алисия Алонсо. Она выступила в спектаклях театров Москвы, Ленинграда, Риги, Киева, исполняла партии Жизель в одноименном балете А. Адана и Одетты-Одиллии в балете П. Чайковского «Лебединое озеро».

Алонсо — классическая балерина. Ее педагогами были А. Федорова (бывшая артистка Петербургского балета), М. Фокин и другие русские артисты.

Традиции русского балета Алисия Алонсо старается продолжать в своем танцевальном искусстве и в репертуаре труппы, во главе которой она стоит.

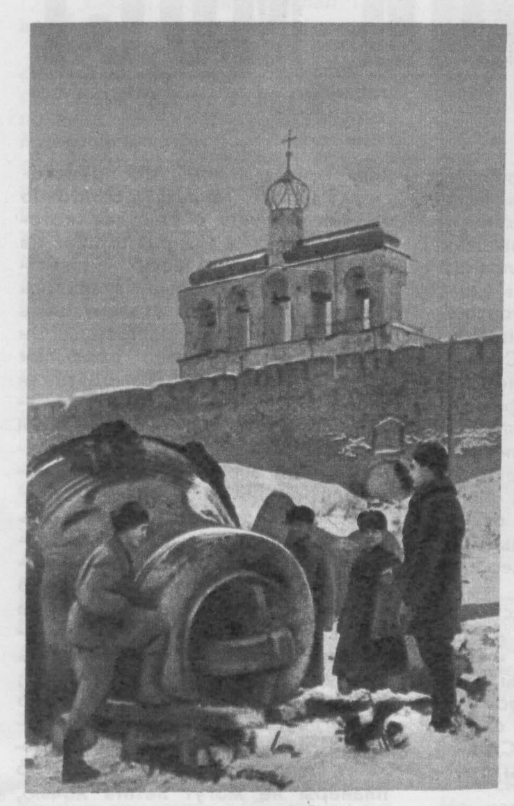
В 1948 году Алонсо создала в Гаване — столице Республики Кубы — первую профессиональную национальную балетную труппу.

Сейчас в 14 городах Кубы открыты балетные школы, лучшие ученики которых пополняют кубинский балет, получивший официальное признание правительства.

«Искусство нельзя запереть в одной какой-нибудь стране, — сказала в беседе А. Алонсо. — Оно должно принадлежать зрителям всего мира. Чем больше ты видишь, тем богаче становишься творчески».

Д. СЕРГЕЕВА

КАК БЫЛИ СПАСЕНЫ НОВГОРОДСКИЕ КОЛОКОЛА

Январь 1944-го. «Праздничный» колокол только что извлечен из земли.

Фото Г. Белянина.

Суровый январь 1942 года. В Новгородском кремле на высоком флагштоке знамя с черной свастикой.

Во дворе управления гестапо стоит в одном белье босой старик. Голова его свесилась вниз, длинные космы седых волос закрывают лицо. Кажется, человек рассматривает снег под ногами. Когда старик падает, из помещения выбегают двое солдат, пинками поднимают лежащего и волокут к начальнику гестапо...

— Вы есть священник новгородский церковь Михель Архангель, батюшка Василий?

— Да.

— Куда спрятать коммунистен ко-ло-ко-ли? — спрашивает офицер: кто-то донес фашистам, что священник видел, как прятали колокола.

— Не знаю,— медленно и твердо произносит старик.

...В Новгороде рядом с кремлевской стеной возвышается Софийская звонница, построенная более пятисот лет назад. Ее галерея из пяти белоснежных арок, увенчанных куполом, видна издали. Помимо архитектуры, звонница славится древними колоколами. Самый большой, «праздничный», колокол весит 1 614 пудов. Здесь же «воскресный» колокол — на 500 пудов и «вседневный» — 300-пудовый.

Когда гитлеровцы ворвались в кремль, звонница оказалась пустой. Гестапо сбилось с ног: искали колокола для отправки в Берлин.

Начальник гестапо ломал голову над таинственной пропажей.

А дело было вот как.

Когда фашистские войска приблизились к Новгороду, колокола с большими трудностями сняли и доставили на берег Волхова. В этой операции участвовали председатель горсовета Михаил Юдин, работник горсовета Николай Тейс и группа бойцов.

В самый последний момент баржа, на которую уже погрузили все колокола, за исключением двух самых больших, была потоплена в результате прямого попадания снаряда. А между тем бой шел уже у западной проездной арки кремля.

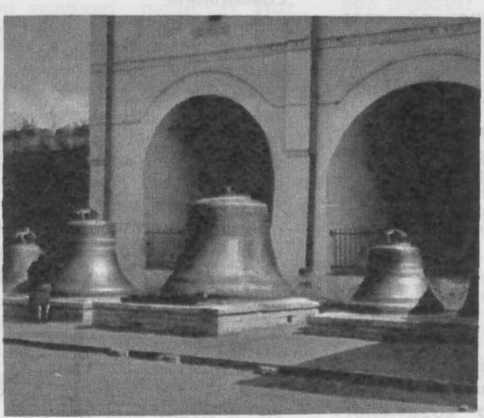
Тогда приняли такое решение: саперам сверлить рядом с колоколами глубокие отверстия для взрывчатки. Взрывы должны в одно мгновение вырыть огромные воронки и свалить в них колокола. И вот уже раздался один взрыв, другой. Юдин выглядывает из-за стены: расчет точен! Бойцы подбегают к воронкам и засыпают их землей. Очевидцем всего этого был и священник отец Василий, скончавшийся уже после войны.

...Январское утро 1944 года. Вместе с наступающими войсками в город входит коренастый человек в ушанке с красной партизанской лентой. Это Юдин. Он отыскал место, где были спрятаны колокола.

Тяжелый танк «КВ» с трудом втаскивает колокола в кремль. Водолазы быстро находят затонувшие малые колокола и с помощью саперных лебедок поднимают их.

...Новгородский кремль широко распахивает перед вами свои ворота-арки. Вот и белоснежная звонница. А вот и они, колокола, горделиво стоящие на постаментах. Поблескивает старая бронза, украшенная рельефным орнаментом. Тянется вязь букв, рассказывающая, кто и когда отлил колокола. Невольно вспоминаешь о событиях, связанных с войной.

М. КОТЛЯРСКИЙ

Колокола Софийской звонницы.

После выступления «Огонька»

«На сапожные темы»

«В нашем городе местные организации почти не интересуются ремонтом обуви, хотя это дело важно для всех».

«Обидно, что из-за нерадивости иных работников промкооперации нам причиняют излишние хлопоты».

«Многое можно улучшить немедленно».

К таким выводам приходят читатели, откликаясь на опубликованную в «Огоньке» (№ 47, 1957 год) статью «На сапожные темы». Из разных мест пришли читательские письма — из Череповца (И. Гужов), Черкасса (Э. Робенбаум), Баку (Ф. Ханджиев), Николаевска-на-Амуре (Е. Иванова), Ворошиловграда (Н. Толмачев), Таллина (М. Вайдернас). А выводы во всех письмах одни и те же: плохо еще организован ремонт обуви.

Многие читатели справедливо отмечают, что надобность в ремонте обуви значительно сократится, если улучшить ее качество.

Редакцией получено письмо председателя правления Роспромсовета (Совета промысловой кооперации РСФСР) А. Заговельева. Он сообщает, что правлениям местных промсоветов республики предложено обсудить статью «На сапожные темы». К этому обсуждению должны быть привлечены работники мастерских по ремонту обуви.

В нынешнем году Роспромсовет намечает создать не менее 600 крупных мастерских, в том числе 192 — при комбинатах бытового обслуживания в сельских местностях. Для механизации ремонта обуви в ленинградской артели «Реммашпром» налажено производство конвейеров, прессов и отделочных станков. Начиная с нынешнего года будут изготовляться и специальные установки для ремонта валяной обуви по новому способу, методом горячей вулканизации. Значительно расширяется подготовка кадров. На руководящую работу в артели и мастерские по ремонту обуви направляется 200 техников-технологов.

«От сорока лет...»

В № 47 нашего журнала за 1957 год была помещена статья «От сорока лет...», где говорилось о хорошем начинании Центрального стадиона имени В. И. Ленина: здесь организованы занятия спортом для людей среднего и старшего возрастов. Эта статья получила положительный отклик наших читателей.

В то же время большая группа физкультурников прислала письмо, в котором жалуется на поведение администрации стадиона имени В. И. Ленина.

«Нам начали говорить, что группа себя не окупает. Мы были уверены, что, прежде чем расклеить афиши и объявить по радио, были учтены все возможности стадиона и продумана финансовая сторона этого дела», — пишут читатели.

Сначала занятия «были перенесены в маленький разминочный зал», затем «нас оставили без аккомпаниатора, хотя в занятия входили упражнения, близкие к художественной гимнастике». В декабре «мы узнали, что плавание у нас отнимают».

В заключение письма авторы пишут:

«Дорогие товарищи! Наш энтузиазм не ослабевает, наоборот, от занятия к занятию мы чувствуем себя все лучше и лучше... У нас есть три просьбы: 1) Дайте нам возможность заниматься под музыку. 2) Не отнимайте у нас плавание. 3) Попросите администрацию быть с нами помягче».

Письмо подписали 150 человек.

Редакция считала начинание стадиона имени В. И. Ленина крайне полезным и нужным. Больше того: публикуя статью, хотелось передать хороший почин московского стадиона всем стадионам страны. Однако сам инициатор хорошего почина — администрация стадиона имени В. И. Ленина — начал постепенно ухудшать условия для физкультурников среднего и старшего возрастов.

Почему?

Мы надеемся, что просьба спортсменов, которым «от сорока лет» и выше, будет удовлетворена.

Встреча в кинозале

Когда египетский фильм «Райские птички» демонстрировался на экранах ереванских кинотеатров, в зрительных залах на различных сеансах можно было встретить пожилую чету. Порой с ними приходили дети, внуки...

Это супруги Тамизян. Что привлекало их в этой картине и сделало такими страстными поклонниками египетских кинозвезд?

В 1948 году Карло и Перуза Тамизян с детьми и внуками вернулись в родную Армению. В Египте осталась лишь старшая дочь, Шаке, с тремя маленькими детьми. И, хотя переписка идет самая оживленная и теперь в ней принимают участие уже сами внучки, разлука огорчает стариков. Нетрудно представить себе их изумление и радость, когда в фильме «Райские птички» они на экране вдруг увидели трех своих внучек.

Как они выросли! Какой красивой стала старшая, Перуза. А Сирвард, Нелли?.. Все они изменились, стали большими!

Когда семья Тамизян оставила Египет, старшей внучке было шесть лет, а младшей немного более года. Старшие девочки отличались незаурядным музыкальным слухом, хорошо пели, танцевали. Особенно Перуза. Ею восхищались не только домашние. Признанием ее способностей был первый приз, полученный на большом празднестве. Отсюда все и началось. Талантливой девочкой заинтересовались кинорежиссеры. За прошедшие десять лет Перуза снялась в шести фильмах. Среди них «Картинка свадьбы», «Золото», «Покинутая». В «Райских птичках» играли все сестры.

Исполнительницы ролей «Райских птичек» Перуза, Сирвард и Нелли Галфаян.

Перуза Галфаян в фильме «Покинутая».

Сейчас «маленькие кинозвезды» снимаются в новом фильме, но кинематографическая деятельность не мешает им быть самыми аккуратными корреспондентами. В одном из последних писем к родным в Ереван девочки пишут: «Получив письмо от вас, мы забываем все вокруг — такое это торжественное для нас событие. Собираемся все вместе и вникаем в каждое слово. В этот час каждый из нас словно чувствует себя на родине. Будьте уверены, что при первой же возможности мы приедем на родину».

Ал. ГАСПАРЯН

КАК РУХНУЛ ВОЗДУШНЫЙ МОСТ

Л. ВАСИЛЕВСКИЙ

Пятнадцать лет назад советские войска полностью завершили ликвидацию фашистских войск, окруженных в районе Сталинграда.

О Сталинградской битве много написано — и в нашей стране и за ее рубежами. Обширная зарубежная мемуарная литература, посвященная Сталинграду, позволяет теперь восстановить в деталях картину последних дней существования армии Паулюса и, в частности, историю провала операции так называемого воздушного моста.

Свежий снег покрыл замерзшие реки, разрушенные станицы и множество окостеневших трупов. Все бело и чисто. А вокруг, по всей петле, в которую попала армия Паулюса, не умолкает гул сражения.

Штаб VI немецкой армии загнан в сырой и холодный подвал под руинами сталинградского универмага.

Приказ оставаться на месте у Сталинграда возмутил и удивил Паулюса. В нем зрел протест против Гитлера. Быстро сменяющиеся события, видимо, проходили мимо одержимого бредовыми идеями фюрера. Паулюс понимал, что единственное спасение его армии в прорыве на запад. Но приказ остается приказом!

Верит ли Паулюс в обещание снабжать его окруженную армию по воздуху? Хочет верить...

В подвале слышен гул канонады. На промерзших стенах искрится иней. Темные, грязные углы напоминают давно заброшенный склеп. Все возрастающую тревогу Паулюс скрывает под маской сурового спокойствия. Месяцы беспримерной по упорству борьбы русских за Сталинград круто изменили положение. Паулюс ловит себя на том, что укоренившееся в нем отношение к противнику свысока сменилось уважением. Как военный, он не может не оценить по достоинству размах, смелость и настоящее военное искусство в этом скрытно подготовленном наступлении русских, поставивших его армию перед неминуемой катастрофой. Опыт полутора лет войны на Восточном фронте и чутье говорят о неумолимых переменах в соотношении сил в пользу противника, внезапно вырвавшего инициативу из рук немцев. Нет больше былого превосходства германской армии над советской. С каждым днем этой стремительно развертывающейся битвы Паулюс все больше чувствовал спокойную уверенность советского командования. Перед ним противник, не измученный долгими неудачами, а полный сил и боевого рвения. В душу заполз страх...

В это время в ставке Гитлера, укрытой в дремучих лесах Восточной Пруссии, обсуждался вопрос о снабжении по воздуху окруженной армии Паулюса. Оставаясь верным себе, Геринг вопреки категорическим возражениям наиболее трезвых специалистов своего штаба хвастливо заявлял о возможности организации «воздушного моста» и доставки ежедневно не менее трехсот тонн грузов.

В начале декабря 1942 года Гитлер отдает приказ 4-му воздушному флоту организовать воздушное снабжение армии Паулюса. Командует флотом генерал фон Рихтгофен, брат знаменитого летчика-истребителя времен первой мировой войны, человек невероятно напыщенный и важный. Он был не столько военным, сколько политиканом и дипломатом, достаточно искусно лавировавшим в лабиринте сложных интриг в высших сферах вермахта. Не менее характерной фигурой был и начальник его штаба, генерал Родэ, считавший себя преемником Мольтке и Шлифена. Родэ был к тому же и историком, но уроки истории мало послужили на пользу этому летописцу гитлеровских ВВС. В книге, выпущенной незадолго до его смерти, в 1951 году, он пошел по проторенному пути многих своих предшественников, считавших, что Германия проиграла две войны сряду не в силу органических пороков своего политического строя и авантюристической политики, а якобы только по причинам отдельных ошибок Гитлера.

При всех своих качествах Рихтгофен и Родэ понимали несостоятельность затеи с «воздушным мостом». Не желая быть в ответе за неизбежный провал, они всю тяжесть этого задания возложили на командира 8-го воздушного корпуса генерала Фиебига.

Транспортные части корпуса одна за другой бросаются на создание «воздушного моста». Большинство самолетов погибает, не долетев до цели. С первых же дней 8-й корпус несет невосполнимые потери. А в это время обстановка внутри Сталинградского «котла» становится все более трагичной. Солдаты умирают тысячами. В воздух подымаются сотни советских истребителей и бомбардировщиков. Они днем и ночью висят над «воздушным мостом» немцев и их аэродромами. Транспортные самолеты, которым и удавалось долететь до сталинградских аэродромов, не решались произвести посадку и сбрасывали свой груз в глубокий снег, где разыскать его не могли.

Зимой из-за отсутствия достаточных средств разогрева запуск авиационных моторов превращается для гитлеровцев в неразрешимую проблему. Резко увеличиваются поломки. Много самолетов разбивается из-за обледенения. Снежные бури уменьшают видимость. Тоннаж доставляемых в «котел» грузов становится все меньше и меньше.

Между тем моральное состояние армии Паулюса все более падает, и только снабжение по воздуху может поднять ее дух.

К 17 января 1943 года Советская Армия занимает уже половину территории «котла», прижав немцев к внешнему поясу города. В это время в безумной надежде сохранить позиции у Сталинграда Гитлер наделяет генерального инспектора Люфтваффе (воздушных сил Германии) фельдмаршала Мильха особыми полномочиями и отправляет на фронт. Как пишет в своей книге генерал Родэ, Гитлер перед отъездом Мильха сказал фельдмаршалу: «Мое решение держать Сталинград неизменно и будет выполнено всеми средствами. Я уверен, что, приложив максимум усилий, VI армию можно снабдить. Я требую, чтобы каждый день туда доставлялось по триста тонн грузов. В этом случае нам удастся задержать у Сталинграда значительные силы русских».

По прибытии в Таганрог, вспоминает тот же Родэ, бывший в то время начальником штаба 4-го воздушного флота, Мильх созвал совещание.

— Господа,— заявил он,— прошу не усматривать в моем вмешательстве проявление недоверия... Фюрер просто хочет, чтобы все, что в человеческих силах, было сделано. Командование 4-м флотом по-прежнему остается в ваших руках, генерал Рихтгофен. Моя миссия заключается только в принятии необходимых мер в отношении снабжения VI армии.

Мильх, конечно, не мог обмануть сидящих перед ним генералов, искушенных в подобных приемах. Появление Мильха вносило двоевластие. Но генерал Рихтгофен, хотя и делал вид обиженного, в душе был доволен, что теперь ответственность за провал «моста» не взвалят на него одного.

Очень скоро Мильх почувствовал всю тяжесть взятой на себя миссии. Узнав, что из двухсот восьмидесяти транспортных самолетов, стоявших на аэродромах 8-го корпуса, только семьдесят оказались исправными, он в отчаянии воскликнул:

— Это невозможно! Эти цифры расходятся с теми, которые были представлены в ставку фюрера!

В действительности это было возможно при укоренившейся во всех звеньях германских штабов системе подтасовки и обмана. Автором сведений, посланных в ставку, был заместитель начальника штаба 4-го флота полковник Шульц. Он рисовал ту радужную картину, которую хотел видеть фюрер.

И вот теперь вся несостоятельность этой затеи оказалась обнаженной.

Казалось бы, что в ставке, получив доклад Мильха об истинном положении вещей, должны были почувствовать дыхание ледяного ветра у Сталинграда. Никто, однако, в комфортабельных бараках ставки не хотел отдавать себе ясного отчета в том, что происходит. Сам же Мильх достаточно ощутил разницу в выводах, которые делались в высших штабах на основе «стратегических концепций», и тех, которые пришлось ему сделать здесь, столкнувшись с суровой действительностью. Он потребовал срочной присылки новых транспортных самолетов и аппаратов для разогрева моторов. Вскоре в его распоряжении на аэродромах было уже 363 самолета, но исправных из них оказалось чуть больше сотни.

Мильх приказывает использовать грузовые планеры, но присутствовавшие при этом Рихтгофен и Родэ деликатно напоминают, что планеры загромоздят посадочные полосы двух аэродромов Паулюса, так как никто их там убирать не будет. Тогда Мильх заявляет, что для посадки планеров надо найти другую площадку. Командование 4-м флотом опять возражает, резонно указывая на то, что планеры не могут летать ночью, а днем их легко собьют русские истребители. «Мы прикроем их нашими истребителями!» — чуть не в отчаянии кричит фельдмаршал. «Это возможно,— отвечают ему,— но из-за возросшей дальности аэродромов истребители сопровождения теперь надо снабдить дополнительными баками с горючим...» Значит, опять трудности, опять потеря времени на их преодоление.

Полнота власти ничего Мильху не давала. Он не сомневался больше в том, что «важные решения фюрера» не что иное, как блеф, и что срок расплаты можно лишь отсрочить ненадолго очень дорогой ценой.

Неудачи сыпались как из рога изобилия. 17 января генерал Фиебиг сообщил, что русские танки появились в непосредственной близости от аэродромов его транспортной авиации и что защищаться ему нечем. А часом позже было получено сообщение от Паулюса, что один из двух его аэродромов захвачен русскими.

В ту же ночь на оставшемся в «котле» аэродроме в Гумраке приземляются пять самолетов. Их никто не встречает, и команды выбрасывают груз тут же, на месте посадки. Спустя несколько минут из темноты появляются группы солдат, которые атакуют самолеты, стремясь захватить в них места. Экипажам пришлось с оружием в руках защищать свои машины, чтобы вместо здоровых взять раненых. С трудом группа взлетает, а снаряды советских пушек обрушиваются на северо-западный край аэродрома. На следующую ночь прилетевший в Гумрак самолет сообщил по радио, что посадочная полоса не освещена...

Штаб Паулюса убежден, что воздушные силы сознательно саботируют снабжение по воздуху. Драма приняла такие размеры, что предвещала неизбежную катастрофу для гитлеровского войска. Решение Гитлера удержать Сталинград вскрывало ост-

рый конфликт между наземной армией и военно-воздушными силами.

17 января Паулюс послал Гитлеру телеграмму:

«Мой фюрер, ваши приказы о снабжении армии не выполняются. Аэродром в Гумраке годен для посадки самолетов с 15 января. Многочисленные возражения сформулированы Люфтваффе помимо нас. Аэродром прекрасно освещен ночью. Наземное обслуживание организовано. Необходимо срочно действовать, так как дальнейшее промедление опасно».

Что делать фельдмаршалу Мильху? Он отдает еще один категорический приказ производить посадки на аэродроме в Гумраке. В ту же ночь в его руки попадает еще одна телеграмма Паулюса, адресованная на сей раз Манштейну. В ней говорилось:

«Возражения Люфтваффе рассматриваем только как предлог для отказа. Посадки в Гумраке возможны во всех направлениях. Посадочная полоса расширена. На земле имеется вся необходимая организация со всем оборудованием. Непрерывные опаздывания авиации уже стоили многих жертв».

Что же, собственно говоря, происходило? Кто кого обманывал?

В ночь на 18 января генерал Фиебиг сам летал в Сталинград и по возвращении рассказал, что, прокружив тридцать минут над аэродромом, он не увидел ни одного приземлившегося самолета.

Несмотря на уверения командования VI армии о принятых мерах, разгрузка прибывающих самолетов на аэродроме в Гумраке все же не была организована. Тюки с грузами сбрасывались где и как попало. Они загромождали посадочную полосу, расхищались солдатами-мародерами. Всюду в беспорядке стояли подбитые и поврежденные самолеты. Никто не занимался расчисткой посадочной полосы. Все это говорило, что положение окруженных под Сталинградом войск безнадежно.

Взаимные жалобы в ставку привели к тому, что Геринг приказал отправить к Паулюсу представителя Люфтваффе. После длительного совещания Мильх назначил представителем майора Тиеля, командира III группы 27-й эскадры.

Когда Тиель прибыл на аэродром в Гумраке, туман покрывал весь район. На посадочной полосе несколько небольших команд разгружали прибывшие самолеты, но из-за недостатка автомашин вывозка груза шла медленно. На всей территории аэродрома и вокруг него валялись сброшенные с самолетов грузы. Тиель видел, что и вся дорога от аэродрома к Сталинграду запружена вскрытыми контейнерами. Всюду разбросаны пушки без снарядов, танки без бензина. Все завалено снегом, и трупы, трупы без конца.

Состояние встретивших его людей было крайне подавленное. Люди мечтали вырваться из этого ада. На каждом шагу встречались солдаты и офицеры, поступки которых говорили об их окончательной опустошенности.

Посланец Люфтваффе понимал, что все эти люди принесены в жертву. Вокруг «котла» кипел неутихающий бой. Вся территория простреливалась артиллерией и покрывалась бомбами советской авиации.

Танк «Родина», ворвавшийся на Площадь павших борцов. Слева — универмаг, где находился штаб Паулюса. Снимок сделан 31 января 1943 года.

Фото Г. Зельма.

Паулюс принял Тиеля на своем командном пункте в подвале центрального сталинградского универмага. Его сухопарая фигура сохраняла представительный вид, но лицо стало еще более аскетическим.

— Вы хорошо сделали, что явились сюда,— сказал ему Паулюс.— Но нам обещали прислать генерала...

Однако Тиель был не из тех людей, которых можно смутить словами или нелюбезным приемом. Он холодно парирует этот вопрос, говоря, что подобная встреча его удивляет...

— Хорошо! На какое спасение мы можем надеяться, если еще не поздно? — спрашивает Паулюс.

Майор Тиель напрягается. По пути с аэродрома он многое видел, ему ясна обреченность окруженной армии, но он вспоминает слова Мильха, который сказал ему перед отъездом:

— Возбудите их сердца и поднимите их моральное состояние.

Тиель излагает свою задачу и говорит о необходимости организации четкого порядка на аэродроме. Одновременно он не забывает обрисовать обстановку, в которой приходится действовать авиации. Он опять говорит об атмосферных условиях и наземной обстановке на Донце, где в это время находились передовые аэродромы.

Паулюс его прерывает:

— Военная история не интересует мертвых. Мы хотим знать, что вы можете доставить нам в настоящее время.

Начальник штаба Паулюса, генерал Шмидт, забыв о субординации, взрывается и резким тоном кричит:

— Тоннаж, тоннаж! Это единственная вещь, которая нас интересует! Авиация выставляет всевозможные оговорки: противодействие противника, плохая погода и черт его знает, что еще, но нам все это совершенно безразлично!..

Тиель попытался вставить слово, но тотчас же убедился, что это ни к чему не приведет. Его перебивает Паулюс, который на сей раз говорит более нервным тоном:

— Армия сделала все, что было возможно, для приемки самолетов и грузов. Ваш визит сегодня, я повторяю, очень запоздал. Если возможно еще кое-что улучшить, то это надо сделать немедленно...

— Думаете ли вы, генерал, что заявления наших летчиков о невозможности совершать посадки и о плохой организации на земле были неправдой? — возмущается Тиель. — Или, быть может, вы считаете их трусами? Для того, чтобы доставить в день триста тонн груза, нужно не менее двухсот пятидесяти самолетов. Но это невозможно из-за отсутствия у вас аэродромов.

Голос Паулюса по мере того, как он говорит, становится все более резким:

— Из всего следует, что самолеты должны садиться даже под огнем артиллерии русских... Надо дать категорический приказ приземляться в любых условиях, а тех, кто его не выполнит, судить полевым судом!

Смысл этих слов был таков: мы погибаем — погибайте и вы!

Вслед за Паулюсом в адрес авиации много упреков высказали и остальные участники совещания. Говорили о «банкротстве Люфтваффе». Майор Тиель уже не понимал всего, что ему говорили. Со всех сторон на него сыпались вопросы, на которые он не мог дать ответа, и только поворачивался от одного к другому.

Паулюс под конец уже не стеснялся в выражениях.

— Кто же отвечает за утверждение, что воздушное снабжение возможно? Если бы мне сказали, что надеяться на него нельзя, я ни в чем не упрекал бы теперь Люфтваффе. Было время — я мог открыть еще путь живой силой своих войск и вырваться из кольца. Сегодня это уже поздно...

Его слова дали понять всем присутствовавшим, что приказ Гитлера, запрещавший покинуть Сталинград, не играл бы для Паулюса никакой роли, если бы он не был обманут.

Тиель понял, почему никто из генералов авиации не полетел на это совещание. У них просто не хватило смелости.

— Я не имею возможности и полномочий вести подобную дискуссию, — сухо заявил Тиель. — Я могу только обещать передать весь этот разговор фельдмаршалу Мильху!

Эта плохо скрытая угроза никого не испугала. Надо было кончать бесплодное и тягостное для обеих сторон совещание. Генерал Паулюс мрачно заключил:

— Наши слова — это слова обитателей другого мира. Мы уже мертвы, и теперь осталось только кому-нибудь написать эпитафию... Не знаю, может ли это послужить утешением и быть полезным кому-либо? Во всяком случае, увезите с собой это послание, написанное начальником моего штаба в приступе чрезвычайного возбуждения и бешенства, и делайте с ним что хотите...

— Авиация нас предала, и это преступление никогда не будет забыто! — заявил генерал Шмидт, оставляя комнату совещания и не прощаясь с посланцем Люфтваффе.

Тиель улетел и, вернувшись в штаб, подробно доложил о своем разговоре с Паулюсом (его доклад и был использован Родэ в опубликованных им воспоминаниях).

Перед Тиелем открылось невежество высших командиров и их легкомысленное отношение к такому сложному вопросу, каким являлась организация воздушного снабжения целой армии, окруженной противником.

Армия Паулюса была уже в агонии, а гитлеровская ставка продолжала, как и прежде, посылать различные документы, за которыми скрывалась надежда, что дела наладятся сами собой.

Драма подходила к концу. Внешний фронт отодвинулся от Сталинграда далеко на запад. Советская авиация непрерывно атаковала аэродромы 8-го корпуса, уничтожая остатки его транспортной авиации на земле.

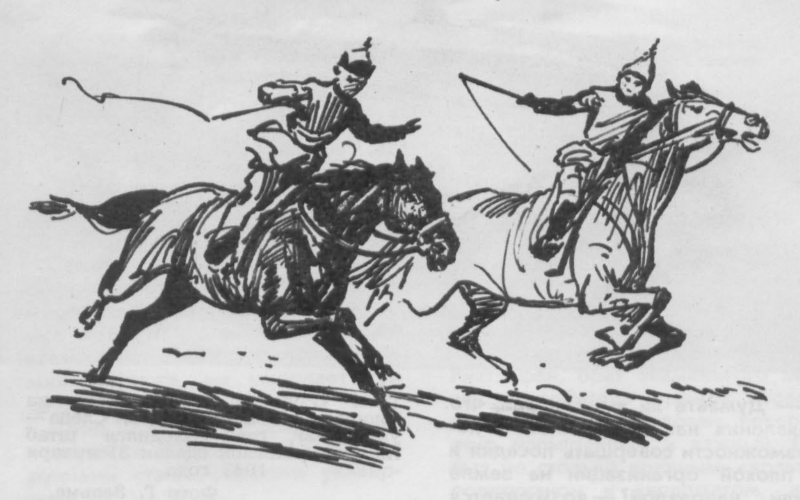
Советские войска возобновили атаки. То, что осталось от армии Паулюса, было разрезано на две части и прижато к руинам города.

30 января 1943 года южный сектор окруженных войск был ликвидирован. На следующий день сдался и Паулюс со своим штабом, а в ночь на 2 февраля самолеты сбросили последний груз над оставшейся группой в северном секторе. Днем оттуда была передана последняя телеграмма, потом все смолкло. Закончилась Сталинградская эпопея, а с ней и история «воздушного моста», который так и не был построен.

ДЕТИ

Д. СЕНГЕ

Мальчик по имени Цо́лмон

Трех коней опередивши
И догнавши четырех,
Пегая идет двухлетка,
Скачет Цо́лмон-мальчуган.

Скоро финиш, виден финиш,
Торжества все ближе миг.
Впереди один ликует
Богатея конь гнедой.

Пегая летит, заржала.
Цо́лмон закричал, летит.
Хоть гнедой быстрей оленя,
Пегая уж тут как тут!

Две двухлетки мчатся рядом,
Стремя в стремя. Чья возьмет!
Два наездника смеются,
Мчатся рядом. Чья возьмет!

Красный галстук пионерский
Вьется, Цо́лмону шепнув:
«Послан ты Объединеньем [1],
Не ударь же в грязь лицом!»

Цо́лмон отпустил поводья —
Пегая пошла, пошла.
Брошенные им поводья
Подхватили у шатров.

Слава лошадям и детям!
Цо́лмон первый прискакал.
Вот кумыс ему подносят,
Льют на пегую кумыс.

[1] Скотоводческой артелью.

Ван Ту-чин

Есть фабрика текстильная
На берегу Янцзы.
На фабрику текстильную
Мы едем по Янцзы.

Волна переливается,
Стучит о пароход.
Овацией взрывается
На берегу народ.

Взрывается, разносится
Аплодисментов гром.
Мы пристаем и на́ берег
К текстильщикам идем.

Вперед выходит девочка
Сквозь тесные ряды,
Краснея от смущения,
Нам подает цветы.

Цветы на платье вышиты,
На платье — голубок.
Ну кто же, кроме матери,
Вот так одеть бы смог!

Сегодня очень ветрено
На берегу Янцзы,
И поправляет волосы
Дошкольница с Янцзы.

Она еще не учится...
А имя — Ван Ту-чин.
Отец и мать работают...
А имя — Ван Ту-чин.

Тем интервью и кончилось...
Закончилось у нас
И знание китайского,
Китайских слов запас.

Но разве комментарии
Потребуются тут!
Китая пролетарии
За мир, за мирный труд.

Спасибо славной девочке,
Спасибо всех друзей,
Спасибо — представляющей
Китай грядущих дней.

Пусть будут все симпатии
С той девочкой с Янцзы,
Пусть счастье прибавляется
Ей, как вода в Янцзы.

Перевел с монгольского
Ник. УШАКОВ.

Поэмы из камня

Н. М. БАЧИНСКИЙ,
доктор искусствоведения

Чудное мастерство старых зодчих Средней Азии известно далеко за пределами Советского Союза. Многие архитектурные памятники среднеазиатских республик вошли в мировую сокровищницу искусства, блистая изяществом форм, тонкостью многокрасочного убранства и великим строительным умением древних архитекторов.

Чертами глубокой самобытности и неповторимого своеобразия отмечено архитектурное наследие Советского Узбекистана в его древних городах — Самарканде, Бухаре, Хиве.

...Мавзолей Гур Эмир в Самарканде, построенный по приказу «завоевателя вселенной» Тимура как гробница для его внука Мухаммад Султана (умер в 1403 году), стал затем гробницей и самого «железного хромца» и его потомков. Памятник этот, увенчанный бирюзовым ребристым куполом на высоком барабане, предельно выразителен простыми, величественными формами. Внутренняя отделка мавзолея начинается с выложенного из молочно-зеленоватого оникса низа стены; выше — два пояса из мраморных плит. Верхний покрыт резными надписями, среди которых помещены и известные слова: «Счастлив тот, кто откажется от мира раньше, чем мир откажется от него».

Выше стены покрыты красочной росписью с позолотой, а купол украшен разрисованными рельефными позолоченными розетками.

Из всех построек времени Тимура этот мавзолей конструктивно, пожалуй,—самое совершенное сооружение, в котором с большим тактом применены чисто декоративные средства.

...Самаркандская площадь Регистан. Три великолепных сооружения замыкают ее с трех сторон, создавая незабываемое впечатление яркостью глазурованных облицовок и монументальностью архитектурных объемов. Слева высится стройный портал и два минарета медресе Улугбека, внука Тимура и крупнейшего астронома своей эпохи. Постройка и отделка здания были завершены в 1420 году, о чем гласит надпись, обрамляющая входную арку. Это медресе, древнейшее из сохранившихся в Средней Азии, по законченности архитектурных форм, планировке и отделке не имеет себе равных. В стихах одного средневекового восточного автора о медресе говорится: «...По высоте — двойник небесам, и от тяжести ее хребет земли приходит в содрогание». В отделке фасада медресе применены резной мрамор и глазурованный кирпич, шлифованный кирпич и мозаичные многокрасочные наборы и ленты майоликовых плиток с надписями, то есть весь богатейший арсенал декоративных приемов среднеазиатского зодчего XV века.

...Город Самарканд тяжело пострадал от монгольского нашествия в XIII веке и возник вновь уже за пределами своей древнейшей территории — Афросиаба. К этой древней части примыкает знаменитый ансамбль мавзолеев Шахи-Зинда. Войдя через портал, пройдя мимо мавзолея знаменитого астронома Кази-заде Руми и поднявшись по кирпичной лестнице, а затем через небольшое купольное сооружение, посетитель входит в неширокий проход, по сторонам которого стоят мавзолеи тимуровского времени. По изяществу отделки и законченности архитектурных форм комплекс Шахи-Зинда может служить в известной степени энциклопедией строительных приемов и декоративных отделок своего времени. Первой из тимуровских построек является мавзолей Туркан-ака, построенный в 1371 году над могилой одной из жен Тимура мастерами Шамсуддином и Зайнуддином. Мавзолей облицован резными глазурованными плитками нежных тонов. Изумительное богатство орнаментики и тонкий рисунок резных украшений этого памятника создают впечатление легкости, прозрачности, подчеркнутых ярким самаркандским солнцем и густыми синевато-лиловыми тенями.

Бухара... Еще один город Советского Узбекистана, оставшийся в памяти с детских лет как место действия сказочных персонажей: фей, волшебников и «нарушителя спокойствия» — Насреддина. Однако реальная Бухара — город трудового ремесленного люда, в течение многих веков создававшего облик города. В Бухаре сохранился древнейший памятник архитектуры — мавзолей Исмаила Саманида, называемый «кружевом из кирпича», и много других первоклассных произведений среднеазиатского зодчества.

Как мрачное напоминание о безвозвратно ушедшем прошлом высится на центральной площади старого города Арк — древняя цитадель и зимний дворец эмиров бухарских. Вход в Арк с тяжелыми воротами и двумя башнями по сторонам выделяется на фоне гладких покатых кирпичных стен, закрывших со всех сторон скаты насыпанного холма. Пройдя через ворота, посетитель поднимается по довольно крутому ходу, мимо маленьких дверей тюремных камер, где содержались перед казнью особо важные государственные преступники. Наверху находились зимний дворец эмира, мечеть, монетный двор, арсенал и другие учреждения эмирата. Ныне здесь разместился Бухарский краеведческий музей, широко раскрывший двери многочисленным посетителям со всех концов Советского Союза и из-за рубежа.

В центре старой торговой части Бухары, примыкая к одной из оживленных улиц города, расположен ансамбль из трех монументальных построек и большого открытого водохранилища — хауза. В зеркальной глади водоема отражаются стройные формы ханако — Надир-Диван беги, бывшей обители дервишей, называемой в народе «мечеть Ляби-хауз» (построена в XVII веке). Стройные формы величественного здания с башнями по углам и высокой аркой посередине фасада несут на себе печать традиций старых мастеров и очень выразительны простотой и сдержанностью.

Хива... Город, где дольше и крепче сохранялись старые строительные традиции, нашедшие применение и в поздних постройках, как, например, дворец Таш-хаули, медресе Амин-хана, Калта-минор («Короткий минарет»). Здесь в Хиве дольше всего жило старое мастерство по изготовлению изразцовой облицовочной керамики, нашедшей применение на памятниках, построенных и в XIX веке.

Советские научно-исследовательские учреждения и органы по охране памятников культуры, заботясь о сохранении архитектурного наследия, предпринимают ежегодные реставрационные работы, на которые Советское государство отпускает очень значительные средства

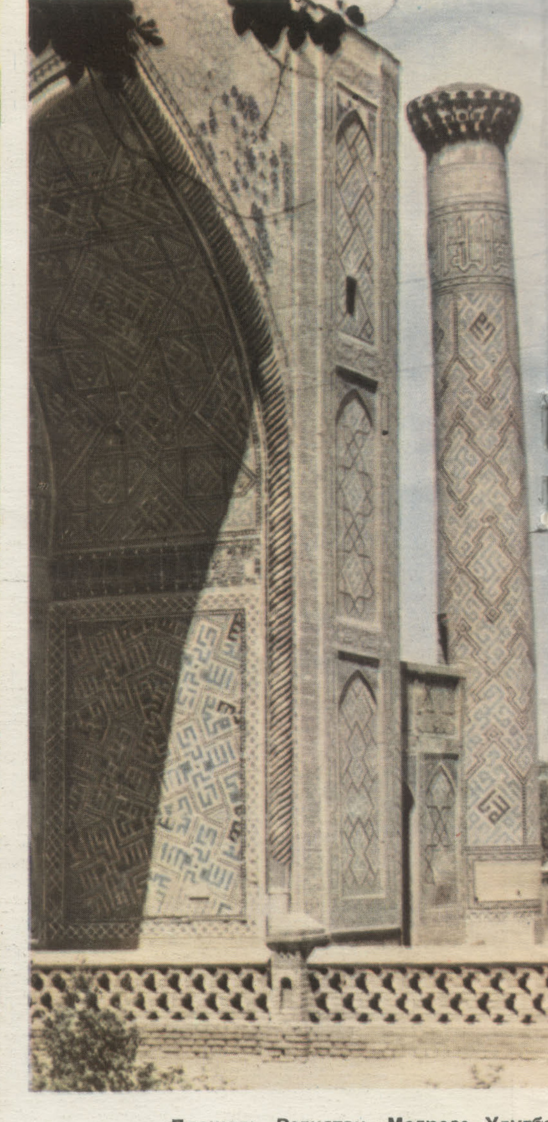

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ УЗБЕКИСТАНА

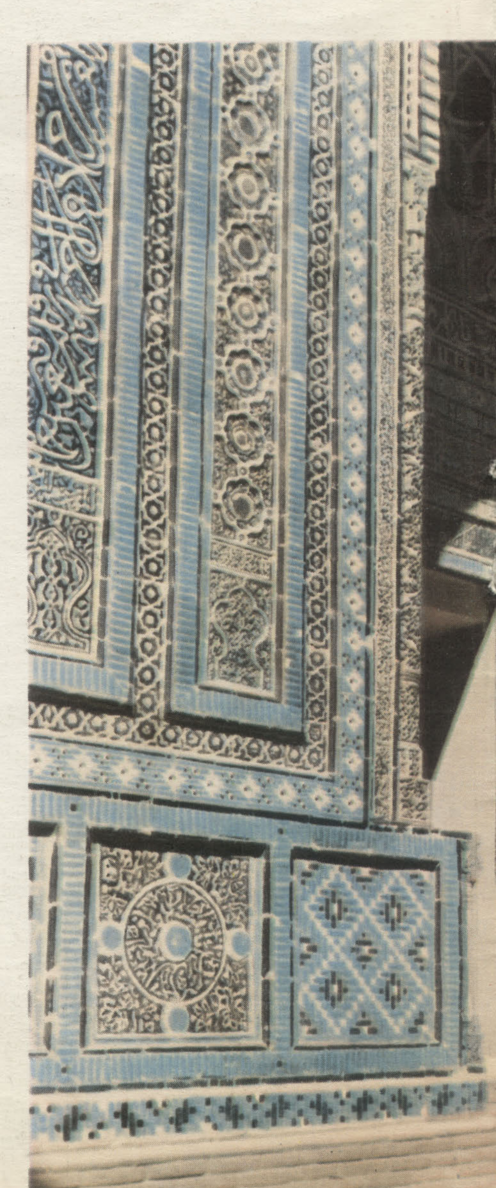
Самарканд. Шахи-Зинда. Вид через арку верхней группы мавзолеев на внутренний коридор.

Фото Я. Босина.

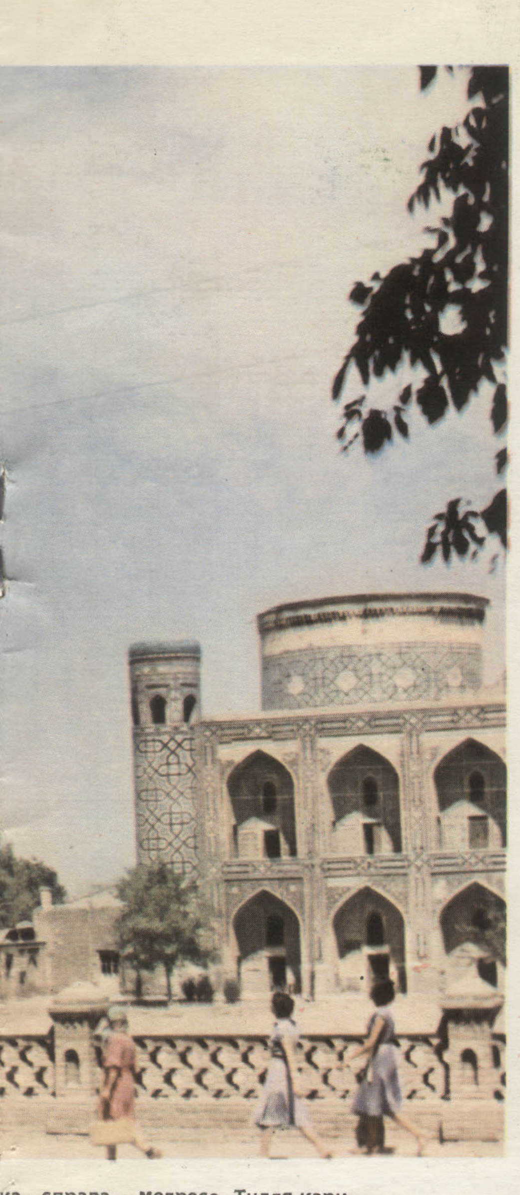
Самарканд. Мавзолей Гур-Эмир с северной стороны.

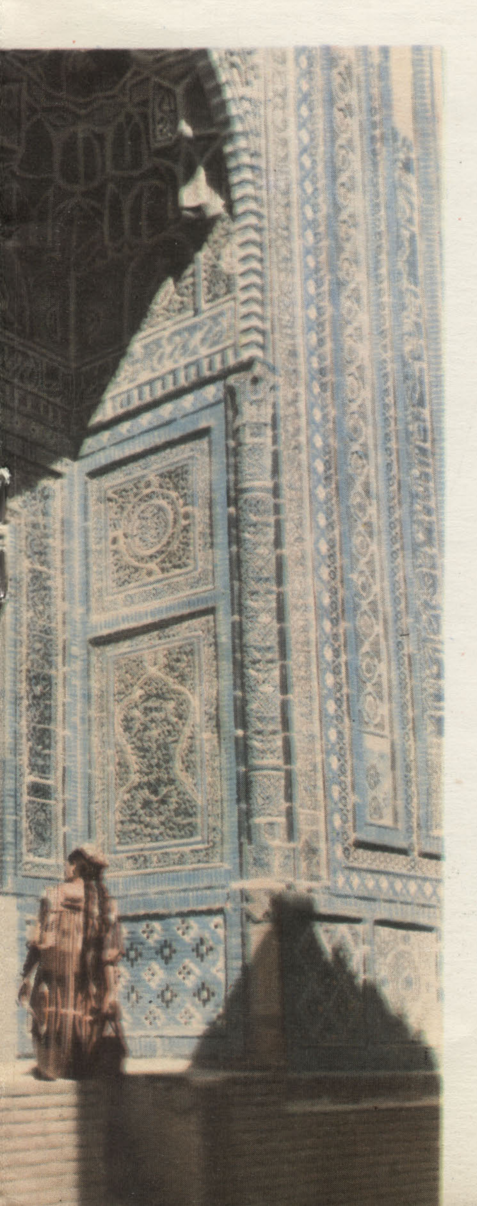
Площадь Регистан. Медресе Улугбе

Шахи-Зинда. Вход в мавзолей Туркан-ака.

ка, справа — медресе Тилля-кари.

Ансамбль Шахи-Зинда.

Бухара. Главный вход в крепость.

Бухара. Ляби-хауз.

Хива. Медресе Амин-хана и Калта-Минор.

Римские рассказы

Альберто МОРАВИА

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО.

Задний ход

Инструктор говорил мне в то далекое утро, когда я сдавал экзамен на получение водительских прав: «Туллио, будь осторожен, когда даешь задний ход: это твое слабое место»,— и я заверил его, что буду помнить об этом. И в самом деле, на экзамене все у меня обошлось благополучно. Но инструктор правильно говорил: этот маневр был моим слабым местом. Всякий раз, когда надо было подавать машину назад, инстинкт подсказывал мне свернуть влево: я левша, и левая рука у меня сильнее правой; как говорил инструктор, все мускулы у меня больше развиты с левой стороны тела. Однако, как я и сказал, это у меня лишь инстинкт, я могу его прекрасно контролировать, и он мне практически не мешает. За пять лет, если я когда и ошибся, то это было всего лишь каких-нибудь два раза.

Однако однажды утром, когда я, как обычно, отвозил Фламинию в университет, этот проклятый задний ход заставил меня призадуматься. Она — воплощение разума и лицемерия — сидела рядом со мной, хорошенькая, с веснушчатым личиком, спрятанным под большими очками в темной оправе, и с роскошными рыжими кудрями, закрытыми голубым платочком. Болтая с ней то об одном, то о другом с той ласковой фамильярностью, которую днем я мог позволить себе очень редко, я ни с того ни с сего сказал:

— Ты не поверишь, ведь я левша.

— Ты левша?

— Да, левша, ем левой рукой, беру все левой рукой и даже пишу левой рукой. Для шофера это не очень удобно. Когда я должен повернуть налево,— все в порядке, но когда надо сделать правый поворот или ехать прямо,— дело хуже. Мне всякий раз кажется, что я должен повернуть влево, и я еле пересиливаю себя.

Минутку мы помолчали. Машина в это время неслась по Виа Номентана. И вдруг она говорит:

— Значит, допустим, если бы однажды моя тетушка очутилась позади машины, а ты, давая задний ход, захотел бы повернуть направо, а свернул влево и сшиб ее, то это был бы несчастный случай. Ты ведь мог бы сказать, что ты левша и не виноват в случившемся.

Я подскочил при этих словах. Опять она, только по-новому, развивает передо мной эту не оставлявшую ее идею. Я сказал ей:

— Ты что, шутишь?

А она:

— Не валяй дурака, я вовсе не шучу. Ты все время твердишь, что влюблен в меня. Так докажи мне это — дай однажды задний ход.

Хотя я в глубине души и не допускал, что способен дать ей такое доказательство своей любви, но в тот момент, сам не знаю почему, мне было приятно говорить об этом: быть может, в этом разговоре я видел подтверждение нашей близости, в которую я все еще не решался поверить.

Я спокойно сказал:

— Не будем об этом даже говорить: ведь это было бы преступлением, а я не преступник.

А она, пожав плечами:

— Как ты старомоден! А потом, какое же это преступление? Ну, что делать на свете такому человеку, как она? Если тетушка на что и нужна, то только как музейная редкость: это поистине редкостное явление природы...

— Какое еще явление?

— Человек, абсолютно лишенный всяких человеческих качеств... И ты называешь преступлением отправить на тот свет подобное существо?

— Но почему ты так ненавидишь свою тетку?

— Именно потому, что это балаганное чучело недостойно жить на свете.

Мы подъехали к университету. Я открыл дверцу и сказал:

— Ну, ладно, мы еще успеем об этом поговорить. Теперь выходи.

Она вышла из машины, не сказав ни слова, но, как всегда, выходя, легко коснулась губами моих губ. Я посмотрел ей вслед, потом развернулся и поехал обратно, к вилле на Виа Номентана.

Больше всего меня злило в этих разговорах сознание того, что она в известной степени права. Ее тетка действительно была редкостным явлением, то есть человеком без человеческих качеств, если только под ними не подразумевать ее недостатков, один другого хуже и отвратительнее. Княгиня Лина — так звали ее тетку — принадлежала к породе тех старых ведьм, которые, кажется, никогда не были молоды; ей, наверно, не было и шестидесяти лет, но вид у нее был такой болезненный, что дать ей можно было больше семидесяти. Она всегда носила широкие манто из очень дорогого меха, а когда их снимала, то казалась скелетом, вышедшим из гроба,— настолько она была худа. У нее была сухонькая птичья головка, а поверх данного ей природой лица, которого, впрочем, никто никогда не видел, было, так сказать, другое, нарисованное лицо: прежде всего белила, а потом, по белилам, много черной туши вокруг огромных глаз, много розовых румян на запавших щеках, много кроваво-красной помады на тонких губах. Если от ее внешнего облика перейти к внутреннему, то дело обстояло не лучше: она была глупа спесивой и упрямой глупостью кур и зла эгоистической старческой злостью, которая состоит из подозрительности, недоброжелательности, мелочности, скаредности, душевной черствости.

Мне давно хотелось найти такое место, как это,— поступить шофером к одинокой пожилой аристократке. Но когда я увидел ее — она шла мне навстречу по полутемному вестибюлю виллы — и услышал резкий, как у ведьмы, голос: «Вы опоздали на полчаса. Вы начинаете свою службу плохо, вы неаккуратны», — я чуть было не испугался и уже стал придумывать какой-нибудь предлог, чтобы отказаться от работы. Но в ту минуту, подняв глаза, я увидел Фламинию, медленно спускавшуюся по винтовой лестнице со второго этажа. Одним словом, я там остался.

Не прошло и месяца, как я уже успел в этом раскаяться. Сплю я как-то вечером в своей комнатушке и вдруг сквозь сон слышу: дверь резко распахнулась. На меня в темноте навалилось что-то тяжелое и неуклюжее. Оно набросилось на меня с неудержимой яростью, так сильно ударив меня в живот, что у меня заняло дух. Потом раздался приглушенный смех и шепот. Это была Фламиния, которая в тот день в машине позволила мне себя целовать или, вернее сказать, довела меня до этого своим лицемерным и настойчивым кокетством. Я не думал, что все это случится так скоро, и когда Фламиния ушла из моей комнаты, я постарался трезво обсудить положение, в котором я очутился.

Итак, думал я, вот я связал себя тайной любовью с аристократической рыжеволосой девицей, которая — кто знает, почему — настолько ненавидит свою тетку, что считает ее недостойной жить на свете; вот я служу шофером у ее тетки, которую я под влиянием Фламинии с каждым днем все больше ненавижу. Как бы то ни было, но с той ночи для меня начался какой-то период безумия. Еще и теперь я вспоминаю его как нечто, в сущности, не имевшее ничего общего с моей жизнью. А ведь это всегда была жизнь уравновешенного, серьезного человека, любящего во всем порядок.

Мои дни целиком были заняты теткой, которая от безделья развлекалась тем, что мучила всю прислугу, донимая нас множеством самых невероятных капризов; ночи же или по крайней мере часть их были заняты племянницей, в которой под искусно созданной маской прилежной, носящей очки студентки сидел бес. Я недосыпал, спать мне удавалось не больше пяти — шести часов, ходил всегда сонный и усталый; и я чувствовал, как, словно от опьянения, меняется мой характер, становится именно таким размягченным, как этого хотела Фламиния. Она в минуты нежности хвалила меня за мою уравновешенность и, как она выражалась, за здравый смысл человека из народа. Я не могу отрицать, что прежде я действительно обладал этими качествами, однако я чувствовал, что с каждым днем становлюсь все более похожим на нее, а у Фламинии уравновешенности и здравого смысла не было и в помине. Она рассуждала о том, как избавиться от тетки, так, словно говорила о самом обычном деле на этом свете. Я дошел до того, что теперь, как я уже сказал, поддерживал эти разговоры, которые прежде решительно отказывался вести; а поддерживать подобные разговоры в моем положении в известной степени означало, что я уже почти согласен исполнить то, о чем мы говорили.

Так прошло два месяца. Все шло по-старому, но я постоянно чувствовал, что кто-нибудь из нас — я или Фламиния — должен нарушить этот спокойный ход событий, изменив его самым решительным образом: либо я уволюсь и уйду из этого проклятого дома, либо Фламиния так или иначе заставит меня сделать то, что она задумала. Однажды, находясь в столовой для прислуги, где я перетирал бокалы, ибо, помимо того, что я был шофером, на мне еще лежала обязанность подавать к столу, я услышал сухой треск внутреннего телефона. Это звонила княгиня, которая велела мне немедленно подняться к ней на второй этаж; она хотела поговорить со мной. Я отправился наверх и нашел ее сидящей, как всегда, в меховом манто в маленькой гостиной за столиком, на котором был разложен пасьянс. Разговор был короткий:

— Туллио, я позвала вас, чтобы сказать, что вы должны считать себя уволенным.

Я стоял с открытым ртом.

— Но почему?

— Вчера вы были в Альбано с моей племянницей.

— Да, она хотела подышать воздухом и...

— Моя племянница мне сказала, что в лесу вы пытались целовать ее.

— Это сказала синьорина?

— Да. Вы хотите, чтобы я ее позвала и она сама вам это повторила?

Я настолько растерялся, что ничего не смог ответить. А она продолжала:

— Вы понимаете сами, что теперь я не могу держать вас у себя в доме. В течение восьми дней вы должны будете уйти.

Я поклонился, пробормотав:

— Слушаюсь, ваше сиятельство,— и совершенно ошеломленный вышел из комнаты.

Так произошло то, чего я меньше всего ожидал: я уволился не сам, а был уволен по милости Фламинии, которая захватила меня врасплох и прижала к стене. Это было именно так, ибо при одной мысли о том, что я не увижу больше Фламинии, я почувствовал, насколько крепко она успела завладеть мной и что в известном смысле я теперь уже созрел и готов пойти для нее на все. Странно сказать, я постоянно ощущал, что Фламинии, не знаю уже как, удалось соединить в моем сердце зло с чувством долга. Мне бы хотелось не делать того, что от меня требовала Фламиния, но я чувствовал, что должен сделать это. В ту ночь она принялась смеяться, повторяя:

— Уволен! Ты этого не ожидал? Уволен в два счета!

Я спросил ее:

— Допустим, что я бы сделал... ну, да, сделал бы это. Что ты предприняла бы после того?

— Прежде всего, большое путешествие. А ты поехал бы со мной как мой шофер. А потом было бы видно.

Одним словом, в ней была какая-то смесь детской наивности с испорченностью, а в сущности, быть может, она все время шутила. Но я понял это только значительно позже; в тот момент мы оба действовали вполне серьезно.

Короче говоря, через два дня, когда оставалось меньше недели до дня моего ухода, она мне сказала:

— Давай устроим репетицию, чтобы ты привык к этой мысли.

На это я, взбешенный, ответил:

— Нет, никаких репетиций. Завтра мы поедем на прогулку за город, и завтра это случится.

На следующий день, как и было назначено, мы все втроем поехали на прогулку к озеру Вико. Была прекрасная погода: стоял теплый, как апрель, январь, в безоблачном небе сияло солнце, все вокруг было зелено, цвели мимозы... Мы уже обо всем условились, и я чувствовал, словно у меня в груди вместо совести лежит что-то тяжелое, большое, мешающее мне дышать, лежит молча и недвижимо. Я действовал, как автомат, в устройстве которого заранее была предусмотрена ошибка,— она произойдет в условленный момент и в условленном месте, когда автомобиль даст задний ход. Машина неслась все дальше и дальше, и я в глубине души восхищался хладнокровием Фламинии, которая позади меня что-то оживленно рассказывала тетке, перескакивая с одного на другое; тетка молча слушала. Она, как обычно, куталась в манто, ноги у нее были укрыты пледом.

Подъехав к озеру Вико, я начал подниматься на вершину холма, с которого открывается вид на озеро. Место там красивое, но совершенно дикое: вокруг пустынно, нет ни жилья, ничего, кроме голубого озера, спрятавшегося среди лишенных растительности гор и низких берегов, густо заросших камышом. Когда мы достигли вершины холма, Фламиния, как было условлено, сказала мне, что они выйдут полюбоваться красивым видом, и приказала тем временем развернуть машину, чтобы ехать обратно. Я был абсолютно спокоен и ни о чем не думал, я действовал, как автомат. Я увидел, что Фламиния подвела тетку к самому обрыву. «Если я сильно толкну ее багажником,— подумал я,— то свалится она с обрыва или нет, в любом случае убью ее наверняка, тем более, что она и так еле дышит». Итак, я дал задний ход, а потом, словно случайно, нажал гудок: это был условный сигнал. Фламиния сейчас же воскликнула: «Ах, какой прелестный цветок!» — и перебежала через дорогу позади машины направо, оставив тетку одну. Я выключил сцепление и нажал акселератор.

Машина резко дернулась назад, а потом я услышал крик. Первое, что я увидел через стекло, было накрашенное лицо тетки, уставившейся на меня широко раскрытыми глазами. Я затормозил и вышел из машины. Фламиния словно опустилась на колени справа от дороги, около большой кучи камней, которую лишь слегка задела машина. Сам не знаю почему, я дал задний ход так, как это полагалось, то есть рванул машину вправо, а не влево, как было условлено; таким образом я наехал на Фламинию как раз в тот момент, когда она нагнулась сорвать цветок, и она ударилась виском об один из этих острых камней.

Я попытался повернуть ее к себе лицом, но не удержал, и она упала навзничь; я увидел, что она мертва.

Впоследствии я часто раздумывал о случившемся и пришел к убеждению, что эта моя ошибка не была ошибкой; то, что я рванул машину, как и нужно было, вправо, а не влево, как мы условливались, было продиктовано мне совестью, которая помимо моей воли восстала против преступления и в известном смысле потребовала, чтобы я покарал того, кто меня толкал на него. Но разве это было действительно справедливо?

Однажды, после того как меня выпустили из тюрьмы, когда было доказано, что Фламиния сама бросилась под колеса, я пошел навестить ее тетку: мне захотелось вновь увидеть место, связанное с воспоминанием о моей любви. Вот передо мной эта большая, печальная и старомодная, прячущаяся за деревьями вилла на Виа Номентана; вот окружающий ее большой сад, который никогда еще не казался мне таким запущенным; вот погруженный в полумрак вестибюль с коврами, мебелью и все остальное.

Тетка встретила меня словами:

— И у вас еще хватает смелости являться сюда?!

Но потом она постепенно разговорилась о том и о другом, главным образом о состоянии своего здоровья и о своих болезнях, ни словом не вспомнив бедную Фламинию. И глядя на эту женщину, такую старую, так сильно накрашенную, похожую скорее на мумию, чем на живого человека, я не мог опять не подумать: «Совесть заставила меня покарать Фламинию. Но разве было бы не лучше, чтобы она осталась жить, а вместо нее умерла эта старуха?» В конце разговора, прощаясь, я сказал тетке Фламинии, что хочу переменить профессию и поступить работать официантом. Она мне ответила:

— Будьте осторожны, Туллио. Ваше слабое место — прислуживать за столом. Вы левша и всегда держите блюдо так, словно хотите вылить соус на гостей.

Она, как и инструктор, тоже напомнила мне о моем слабом месте. Но в жизни ничего не повторяется, и я понял, что лучше мне иметь дело с блюдами и соусами, чем с женщиной, которая требовала от меня, чтобы я доказал ей свою любовь, совершив преступление.

Маменькин сынок

Первую автомобильную покрышку продырявил не я, а сама судьба, поймавшая меня врасплох и направившая мою руку, так сказать, не в ту сторону. Как всегда без работы, я шел однажды после обеда по Виале Париоли в сторону Аккуа Ачетова, когда заметил стоявшую в одной из боковых уличек машину. Я обратил на нее внимание потому, что автомобили—моя страсть: увидев какую-нибудь машину иностранной марки, несерийный или гоночный автомобиль, я иногда способен простоять больше часа как зачарованный, любуясь ими и рассматривая их особенности. Это была спортивная машина того типа, что называется «кабриолет», с откидным верхом, длинная и низкая, казалось, состоявшая из одного только капота и багажника. Она была огненно-красного цвета, с пастью, полной никелированных зубов, делающей ее похожей на тигра. Очарованный этой свирепой машиной, я подошел поближе и сразу же увидел, что на одном колесе спустил баллон. Я подумал: «Вот это и называется: спустил баллон. Другой на моем месте воспользовался бы случаем». В эту минуту из одного из соседних домов вышел толстый светловолосый парень в спортивной куртке и узеньких брючках, стремительно распахнул дверцу и сел в машину. Тогда я подошел и из чувства симпатии к нему сказал:

— Эй, послушайте, у вас спустил баллон!

Он сразу же выскочил, осмотрел колесо, сказал мне что-то не по-нашему, должно быть, поблагодарил, а затем стал возиться, стараясь снять скат. Я остался стоять возле открытой дверцы и случайно увидел лежавший на сиденье машины фотоаппарат. Схватить его и уйти было делом одной минуты: иностранец, присев на корточки с другой стороны машины, гаечным ключом отвинчивал гайки, и машина была такая длинная, что он не мог меня видеть. Убегая, я подумал: «Ах, так, значит, это и есть знаменитый трюк прокола покрышки!»

Теперь мне надо было спрятать украденное. Я решил отнести фотоаппарат к себе домой и положить его под подушку на кровати. Я жил близ Виа Джулиа вдвоем с матерью. Она овдовела много лет назад, и, чтобы прокормиться, ей, бедняжке, приходилось промышлять сигаретами. Мать заметила меня своими зоркими глазами с порога кухни, едва я успел войти в наш мрачный и вонючий квартал. Она видела, как я, что-то пряча, вбежал в свою комнату и заперся на ключ, но ничего мне не сказала. Но потом, когда я сел обедать, она вдруг вошла с фотоаппаратом в руках. Я ожидал неприятной сцены и, смутившись, еще ниже наклонился над сковородкой. Но что значит мать! Чужой человек поднял бы черт знает какой шум: «И где ты его нашел? И где ты его взял! И кто тебе его дал?» Она же, как настоящая мать, ограничилась тем, что спокойно сказала:

— Знаешь, незачем тебе прятать, давай мне. Тайник может тебя выдать, а мать — никогда.

Сказав это, она ушла в свою комнату — я как сейчас вижу ее перед собой, массивную, приземистую, с черной шалью на плечах, со склоненной набок большой седой головой — и заперла фотоаппарат в сундук, повторяя:

— Твоя мать тебя любит, никто на свете не может любить тебя так, как мать.

Признаюсь, я тогда расстроился, и не столько из-за того, что она взяла фотоаппарат, сколько из-за звучавшего в ее словах упрека: как я мог думать, что мать меня не поймет и не простит? Таково было начало. С тех пор, когда я отправлялся на промысел, я каждый раз приносил краденые вещи ей, а она не только их прятала, но и сбывала: женщина она была очень ловкая, имела множество знакомых и, кроме того, знала цену всякой вещи лучше оценщиков в ломбарде.

Я и раньше был очень привязан к своей матери, хотя мне было уже почти тридцать лет; после же случая с фотоаппаратом я привязался к ней вдвойне. Чего только люди не говорят о сыновьях и матерях! В Риме таких сыновей, как я, когда хотят подразнить, называют маменькиными сынками, но те, кто дразнит, неправы. Мать и сын еще ближе друг другу, чем жена мужу, брат брату, товарищ товарищу. Сыну не надо ей ни о чем говорить: мать, которая произвела его на свет и вырастила, понимает его с первого взгляда и молча выполняет его желания, так же молча сын принимает заботы матери, ибо знает, что между ним и матерью слова ни к чему. Для матери ее сын умен, красив, добр, силен, даже если это совсем не так, даже если все вокруг думают совершенно обратное. Разве не гласит пословица: «Даже таракан мил своей матери»? Я уж не говорю о том, что мать по-прежнему видит в своем сыне ребенка, пусть он уже лыс и усат, и эта любовь—большое утешение: люди вовсе не находят удовольствия в том, что становятся взрослыми, и охотно согласились бы остаться детьми. Но, главное, мать из-за любви к сыну, которая руководит ею, всегда становится на его сторону против всего мира, пусть даже ее сын — как это было со мной — вор; она ведь одна его понимает и знает, почему он украл, и, зная это, помогает ему сохранить искренность и не мучить себя раскаянием. Все это и еще многое другое я, бывало, ощущал, когда после целого дня охоты за автомобилями возвращался вечером домой. Я испытывал такое чувство, словно утром, вставая с постели, находишь под ногами привычные шлепанцы: я отдавал вещи матери, она сразу же прятала их в сундук, потом шел на кухню, где она ставила передо мной на стол сковороду, и принимался за еду, а она смотрела, как я ем. Мы почти не разговаривали, понимая друг друга, как животные, по выражению глаз.

Деля свой день между матерью и охотой за машинами, я, конечно, не имел времени на женщин. Женщины меня не волновали, и, сказать по правде, я, быть может, их даже боялся: будучи от природы нежен и привязчив, я понимал, что прежде, чем я встречу женщину, которая бы мне подходила и смогла полюбить меня — а я в этом нуждался,— кто знает, скольких мне придется перебрать! Кроме того, ведь у меня была мать, она меня любила, и ее любовь не нуждалась в доказательствах, выражалась просто и непосредственно. Зачем мне было связываться с женщинами? Но известно, когда не ищешь женщин, они находят тебя сами. Неподалеку от моего дома, на Корсо Витторио, был бойко торговавший галантерейный магазинчик, который держали старики — муж с женой. Их дочь, Джезуина, родилась у них очень поздно и, быть может, поэтому была она не очень-то хороша собой, хроменькая, слабая здоровьем. Моя мать дружила с матерью Джезуины еще с того времени, когда обе они были девушками, и часто заходила в магазинчик также и по делам, связанным со своей мелкой торговлей. Разумеется, она часто заводила речь обо мне, и оба старика — отец и мать Джезуины — хорошо относились ко мне, считая меня очень симпатичным молодым человеком, которому, однако, не везет и никак не удается найти работу. Что же касается Джезуины, то она, как мне всегда казалось, относилась ко мне довольно сдержанно. Однажды, проходя мимо, я зашел в их магазинчик купить иголку и нитки: у меня оторвалась пуговица. Джезуина была одна и сказала мне:

— Давай, я пришью тебе пуговицу.

Затем, вдевая нитку, она спокойно сказала, что моя мать, видно, недостаточно обо мне заботится, раз позволяет мне ходить с оторванными пуговицами. Задетый за живое, я ответил, что другой такой женщины, как моя мать, не найти во всем Риме, а она мне:

— Это, может, и так, только в каком смысле. Во всяком случае, не в том, чтобы следить за твоими пуговицами.

Я понял, что ей все известно, но не подал виду. Она подошла ко мне, взяла у меня пиджак, вдела нитку в иголку и тихо добавила:

— Но разве, Джиджи, ты не понимаешь сам, что то, чем ты занимаешься, плохо?

Взбешенный, я отрезал:

— Плохо? А чем же плохо? По-моему, плохо только то, что плохо мне.

Но я уже попался и теперь стал часто бывать в магазинчике. Мне нравилось смотреть, как она, припадая на свою короткую ножку, суетилась за прилавком и доставала товар из слишком высоких для нее ящиков или же, тихая и сосредоточенная, опустив глаза, подсчитывала дневную выручку. Она, несомненно, это заметила; нравился ей и я, и она продолжала гнуть свою линию, а именно: всякий раз читала мне нравоучения. Дело было летом, и кончилось тем, что мы стали встречаться на улице после закрытия магазина. Мы гуляли, болтали о том и о сем, и не знаю сам почему, мне было приятно видеть ее рядом с собой, чувствовать, как она, волоча ногу, опирается на мою руку и, обращаясь ко мне, поворачивает свое бледненькое личико, окруженное легким облачком темных волос. Пожалуй, это и не было любовью. Это было нечто прилипчивое, сюда входило понемножку все: жалость к ней и чувство уважения, стремление остепениться, новизна сознания, что другая женщина дарит мне такую же любовь, какую, как я до тех пор полагал, может испытывать ко мне только моя мать.

Само собой разумеется, я поговорил об этом с матерью: у меня не было от нее секретов. Я сказал ей, что Джезуина обо всем знает и меня осуждает, но, однако, меня любит; что она мне предложила торговать вместе с ней в магазинчике, заменив состарившихся родителей, что и я, пожалуй, также люблю Джезуину. По мере того как я говорил, я видел, как у матери на лице появлялось выражение, заставившее больно сжаться мое сердце: словно кто-то совершенно неожиданно сказал ей, что она не одета, и она увидела, что это действительно так, но не нашла ничего под рукой, чем прикрыть свою наготу. Укрывавшими ее одеждами до сих пор была любовь, которую мы питали друг к другу, а теперь Джезуина своими нравоучениями сорвала их с нее; при этом она чувствовала, что Джезуина права, и впервые осуждала себя, а главное, боялась, что ее осужу я. Однако, когда я кончил, она, потупившись, сказала:

— Дорогой сынок, ты знаешь, по мне хорошо все, что бы ты ни делал... Был бы ты доволен, и я буду довольна.

Теперь, сам не знаю почему, мне хотелось, чтобы и она, как Джезуина, мне сказала: «То, чем ты занимаешься, плохо, ты должен начать новую жизнь, должен остепениться»,— но я понимал, что нельзя слишком много от нее требовать. Это, по сути дела, значило бы заставить ее признать, что она не была хорошей матерью, так как поощряла, а не осуждала мое основное занятие. Словом, этот разговор закончился так же тихо и спокойно, как кончались все наши вечера.

Вскоре я обручился и перестал думать об автомобилях и сам не заметил, как очутился рядом с Джезуиной за прилавком галантерейного магазинчика. Я любил Джезуину и все время старался убедить себя, что гораздо лучше продавать тесьму и мотки ниток, чем продырявливать покрышки у оставленных без присмотра машин. Однако до конца убедить себя в этом не удавалось, и нередко я застывал за прилавком темной лавчонки, как завороженный, глядя в окно, и жалел о том времечке, когда я целыми днями шатался по улицам, бежал, мчался сломя голову, после очередного «дела» прибегал домой с добычей и меня встречало великое молчание матери — без нравоучений и советов, — молчание, полное любви и понимания. Одним словом, я начинал скучать.

Лавка закрывалась на перерыв в час дня и открывалась вновь в четыре. Однажды около двух часов я, задумавшись, шел по набережной Фламинио: мне хотелось немножко пройтись и поразмыслить о своих делах. Стоял настоящий римский октябрь — сияло солнце, на голубом небе не было ни облачка; улицы были пустынны: все в этот час обедали, и у подъездов домов стояли автомобили. И вот перед каким-то подъездом я увидел машину, самую обыкновенную, простой марки, которая, однако, привлекла мое внимание: у нее так же, как и у той, первой, машины, с которой я начал, спустил баллон. Я приблизился к ней просто так, без всякой задней мысли, и как раз в эту минуту из дома вышел ее владелец, плешивый мужчина, с сигаретой во рту и раскрасневшимся от вина и сытной еды лицом, типичный важный господин, отправляющийся после обеда подышать воздухом, прежде чем возвратиться на службу. Неожиданно, так же, как и в тот раз, из чувства симпатии мне захотелось предупредить его, и я крикнул: «Эй, послушайте, у вас спустил баллон!»

Одновременно я бросил взгляд внутрь машины и, увидев на сиденье красивый портфель светлой кожи, поймал себя на мысли: «Сейчас я его возьму и отнесу матери, а к Джезуине не вернусь ни за что на свете; только мать понимает меня, и я буду по-прежнему жить с матерью». Я настолько был поглощен этой мыслью, что не заметил, как этот господин подошел ко мне. С угрожающим видом он закричал:

— Давай сюда гвоздь!

Я от удивления остолбенел:

— Какой гвоздь?

— Тот гвоздь или нож, которым ты проколол покрышку у моей машины.

— Не валяйте дурака...

— Нет, милый мальчик, это ты валяешь дурака. Тебе приглянулся мой портфель. Ну, живее, давай сюда гвоздь!

Я сказал ему:

— Выбирайте поосторожнее выражения!

А он тогда схватил меня за шиворот и сквозь зубы, не выпуская изо рта сигареты, прошипел:

— Благодари небо, что я добрый человек. А теперь смени скат, если не хочешь, чтобы я позвал полицейского.

Короче говоря, я сдержался, и мне впервые после множества проколотых мною шин пришлось ставить новый скат взамен продырявленного, которого я вовсе и не прокалывал. Я испачкал руки и костюм, а этот тип все время за мной следил. Когда я кончил, он сел в машину и сказал мне:

— Молодец, однако в следующий раз тебе придется менять колесо в Реджина Чели [1]!

Я вернулся в лавку с сильным опозданием. Джезуина суетилась за прилавком, доставая из ящиков ленты для какой-то покупательницы. Она метнула на меня лишь один взгляд, но столь выразительный и встревоженный, что я подумал: наверно, она все поняла. В тот же вечер, возвратившись домой, я сказал матери, что наконец решился: женюсь до конца месяца. Искренне обрадовавшись, она, бедняжка, обняла меня со слезами на глазах. А в глубине души я вновь подумал, что мать — это все, и матери не заменит никто на свете.

[1] Римская тюрьма (прим. перев.).

Перевел с итальянского
Г. БОГЕМСКИЙ.

Конец полосатого заговора

СИРИЯ

ДАМАСК

Николай ДРАЧИНСКИЙ

Специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Туча над миром

В конце августа 1957 года на нью-йоркской бирже произошло крупное потрясение: акции 1 500 фирм и компаний резко упали в цене и финансовые потери Уолл-стрита только за 3 дня составили 4 миллиарда долларов. Круто падающие курсовые бюллетени сопровождались одним словом: «Сирия!»

Через несколько дней газеты крикливо сообщили, что президент Соединенных Штатов прервал свой отпуск и возвратился в Белый дом, чтобы сделать «драматическое заявление» в связи с событиями в Сирии. Мистер Даллес, живший, по сообщению парижского журнала, на берегу некоего пустынного озера «одиноко, как Тарзан», тоже поспешил в Вашингтон, ухитрившись еще в автомобиле сделать несколько антисоветских заявлений.

В заявлении президента, зачитанном Даллесом для журналистов, повторялись избитые утверждения, будто крошечная Сирия угрожает безопасности «свободного мира».

Проницательные наблюдатели, однако, больше обращали внимание на курс биржевых бумаг, нежели на заявления политических лидеров. Биржа — это пульс капиталистического организма, и она неспроста затряслась в лихорадке: тщательно подготовленный американской агентурой в Дамаске заговор провалился.

Тогда империалисты решили расправиться с маленькой свободолюбивой арабской страной другим путем. «Теперь вся надежда на соседей Сирии!» — вопила американская реакционная печать. Даллес экстренно посылает на Ближний Восток своего доверенного Лоя Гендерсона. Официально объявляется, что он едет «изучить положение в Сирии». При этом он почему-то считает, что сделать это лучше всего не в Дамаске, а в Анкаре. «Если у мистера Гендерсона чистые намерения, пусть приезжает в Сирию и здесь изучает положение»,— заявило сирийское министерство иностранных дел. Но у Лоя Гендерсона были иные намерения.

На бесчисленных фотографиях, мелькавших в газетах, посланец Даллеса был изображен с двумя портфелями в руках, которые он носил всегда с собой, не доверяя никому. Несмотря на такие предосторожности, содержание некоторых бумаг в портфелях мистера Лоя стало известно. В них содержались инструкции Джона Фостера Даллеса: организовать вооруженное нападение на Сирию со стороны ее соседей.

В Анкаре и Стамбуле Гендерсон совещался с турецкими официальными лицами. Сюда же приехали иракский король Фейсал в сопровождении премьер-министра Айюби и иорданский король Хусейн. Мистер Гендерсон очень старался, но правители этих арабских стран не могли обещать ему нападения на Сирию. Для них это было равнозначно самоубийству: народы не допустят. Иорданский монарх поблагодарил за оружие, которое так щедро поставляет ему Америка на самолетах. Но его вŏйска едва хватает, чтоб удерживать в повиновении самих иорданцев. Ведь и одного дня не проходит, чтоб в стране не происходили выступления против его трона и американского хозяйничанья. Улыбнувшись американцу, Хусейн поспешно улетел в Испанию отдохнуть и повеселиться вдали от своего беспокойного королевства.

Турки спросили Лоя Гендерсона, может ли он гарантировать, что дело кончится «малой войной». Заокеанский гость таких гарантий дать не мог, и в Анкаре приуныли. Нажим американцев был, однако, чрезвычайно силен, и на турецких военных картах появились длинные стрелы. Они упирались остриями в сирийские города: Халеб, Латакию, Хомс, Дамаск. По тревоге был поднят восьмой армейский корпус в составе более 3 дивизий; он получил приказ немедленно выступить из-под Анкары к сирийской границе. Туда же потянулись воинские эшелоны из других районов страны. Около 700 танков неожиданно залязгали гусеницами вдоль пограничных столбов, где до этого пробирались в тишине лишь редкие контрабандисты с табаком. Более 300 реактивных самолетов опустилось на полевые аэродромы близ сирийской территории.

Из штаб-квартиры, расположенной в центре Лондона, по радиотелеграфу полетел приказ главнокомандующего американскими военно-морскими силами в восточной части Атлантического океана и Средиземном море адмирала Уолтера Буна: всем кораблям Шестого флота немедленно собраться в некой «секретной точке». Из Барселоны, Неаполя авианосцы, крейсеры и подводные лодки поспешно вышли в море. «Секретная точка» оказалась у берегов Сирии.

Спустя короткое время Шестой флот — «американская пожарная команда на Ближнем Востоке», как его называют,— начал демонстрацию силы; это должно было устрашить сирийцев. Проводились грандиозные маневры: высадка десанта на берега Турецкой Фракии. Грохотала корабельная артиллерия, с палуб поднялись, как туча саранчи, вертолеты.

Транспортные суда поспешно доставляли в турецкие порты оружие и боеприпасы, в том числе новейшие реактивные самолеты «Ф-100 Супер-Сейбр» — гордость военно-воздушных сил США. На сирийско-турецкой гра-

Окончание. См. «Огонек» №№ 3, 4 и 5.

Американская военная техника, поставленная турецкой армии, сосредоточена на турецко-сирийской границе.

Фото из немецкого журнала «Нейе Берлинер иллюстрирте».

Акрам Хаурани занял место за столом председателя парламента Сирийской республики.

нице то и дело вспыхивала стрельба. Над миром нависла черная туча...

Тогда из советской столицы прозвучал твердый голос: «Сирия не одинока. У нее есть верные и надежные друзья».

Крепкие нервы

По утрам на бирже такси, против гостиницы, в которой я жил, всегда стоял далеко не новый, но опрятный и чистенький лимузин. Видно было, что хозяин машину бережет, любовно за ней ухаживает. Сам он, черноволосый, бронзовый, с живыми, блестящими, точно два кусочка антрацита, глазами, обычно сидел у руля с газетой. Я часто пользовался его услугами, и мы встречались, как старые знакомые. Звали его Халиль Ишам. Завидев меня, он еще издали кричал свое «Салям алейкум!» и распахивал дверцу. Всякий раз наш разговор начинался с одного и того же вопроса Халиля:

— Как будет по-русски «ахлян ва-саглян»?

— Добро пожаловать.

— Добри пожаливи! Коис — карашо!

Затем Халиль приступал к обзору последних новостей. Он очень любил потолковать о политике. Вряд ли есть еще страна, где бы политические проблемы обсуждались с таким жаром всеми — от школьника до министра,— как в Сирии.

Сейчас Халиль начал издалека:

— Что вы думаете о нервах?

— ?..

— Вот пишут,— он кивнул на газету,—«Америка усиливает войну нервов против Сирии». Пустая затея. Нервы у нас крепкие. Разве видели вы здесь хоть одного сирийца, который бы испугался? Но когда на границе стоят вражеские танки, нельзя сидеть сложа руки. Вчера я записался в отряд гражданской самообороны.

Вы едете в парламент на открытие сессии? — осведомился Халиль и, получив утвердительный ответ, продолжал: — Вот смотрите, это связано с парламентом.

И шофер показал на ветровое стекло автомобиля. В правом верхнем углу его была небольшая круглая дырка, обрамленная паутиной мелких трещин. Она появилась в мае 1945 года, рассказывал Халиль. Незадолго до этого, после многих кровопролитных восстаний, французский верховный комиссар был принужден восстановить конституцию 1930 года, по которой Сирия объявлялась республикой. Но вся власть по-прежнему оставалась в руках колонизаторов, иностранные войска по-прежнему оккупировали страну. Поэтому борьба народа за независимость не утихала.

В мае 1945 года уличные бои начались во многих городах страны. В Дамаске большая группа вооруженных патриотов засела в здании парламента. Оккупанты открыли по ним огонь из артиллерии. В это время Халиль на своей тогда еще новой машине подвозил к парламенту патроны и увозил раненых. И эта дырка, пробитая пулей колонизаторов, напоминает нынче о тех боевых днях.

В одном из вестибюлей, примыкающих к залу заседаний, знакомый сирийский журналист показал мне небольшой макет старой части здания. Закопченные, изуродованные стены, проломленная крыша, выбитые окна... Так выглядел сирийский парламент после французской бомбардировки.

— Сейчас, когда новые колонизаторы рвутся в страну,— сказал он,— этот макет особенно красноречиво напоминает о том, что несут республике империалисты.

Мы прошли в зал заседаний, который по праву можно назвать шедевром национального искусства. Великолепные арабески покрывают его стены, тончайшей инкрустацией из разноцветных пород дерева и перламутра украшены карнизы, колонны, проемы, арки лож. Большой круглый зал венчает купол, легкий, воздушный, сотканный из чудесных, искрящихся кружев.

Депутаты занимали места внизу, на скамьях, расположенных амфитеатром перед столом председателя, который стоял на возвышении, в специальной широкой нише. Два яруса, отведенных дипломатическому корпусу, представителям печати и гостям, были уже переполнены.

Открытие сессии парламента 15 октября привлекло всеобщее внимание. Избирался председатель парламента. Было выдвинуто два кандидата на этот пост — второй по значению в стране после поста президента республики: Акрам Хаурани — от Фронта парламентской консолидации, из представителей которого сформировано нынешнее правительство, и Назим Кудси — от оппозиционной народной партии. Накануне в печати широко обсуждались перспективы выборов председателя парламента. Предсказывалась победа кандидатуры Акрама Хаурани; это связывалось с политическим курсом правительства, направленным на укрепление независимости страны.

Началось голосование. Служащие понесли по залу большие стеклянные ящики-урны. Каждый депутат писал на листе бумаги фамилию кандидата, за которого он голосует, и опускал ее в урну. Затем содержимое ящиков высыпали горкой на стол председателя, за которым сидел старейшина парламента. Он разворачивал листы и медленно читал:

— Хаурани, Кудси, Хаурани, Хаурани, Кудси, Хаурани...

Многие депутаты чертили палочки на листах бумаги: считали голоса. В ложах журналистов, на галерее для публики тоже загибали пальцы или чертили палочки. Старейшина еще не кончил считать, как на галерее раздались бурные аплодисменты и крики: избран Акрам Хаурани. Удары председательского молотка несколько минут призывали к тишине гремевшую галерею: публика приветствовала избрание поборника арабской национальной политики, победу политики единства...

Через несколько дней лидер оппозиции Мааруф Давалиби заявил в парламенте, что в это тревожное для Сирии время — перед лицом империалистических заговоров и угроз — оппозиция снимает разногласия и предоставляет в распоряжение правительства все свои силы и возможности.

Нация сплотилась для отпора агрессорам.

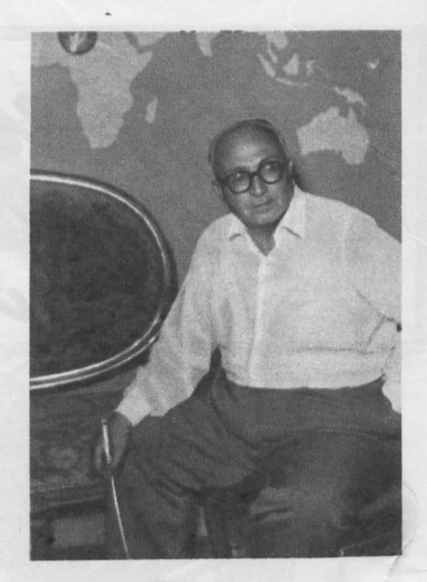
«Красный миллионер»

Направляясь для беседы в дом государственного министра и министра национальной обороны Халеда эль-Азема, я предполагал найти там усиленную вооруженную охрану. Дело в том, что незадолго перед этим газеты сообщили о диверсии: в дом Халеда эль-Азема были брошены гранаты. Очевидно, остатки еще не выловленных заговорщиков вымещали свою неудачу.

Однако вместо солдат я увидел нескольких штукатуров, разводивших раствор у самого подъезда большого, еще достраивавшегося здания.

Вместе со спутником мы вошли в лифт, но не знали, на какой этаж ехать. Выбрали средний — третий. Поднявшись, оказались, однако, среди куч извести, песка и других строительных материалов. Рабочие посоветовали нам спуститься ниже, и мы пошли по великолепной беломраморной, но пока еще без перил лестнице. В просторном холле второго этажа было пусто. Тогда мой друг громко позвал, полагая, что кто-нибудь откликнется. На зов выбежал белый лохматый пудель, а следом за ним — девочка-подросток. Она нас провела в кабинет, обставленный богато и с большим вкусом.

Через минуту появился хозяин — пожилой, но крепкий, слегка сутулый человек в легкой сорочке и домашних туфлях. Редкие волосы белым пухом покрывали круглый розовый череп, через стекла больших очков глядели живые, умные глаза. Плотные губы и крутой подбородок выказывали силу характера.

Халед эль-Азем.

Халед эль-Азем — один из крупнейших политических деятелей нынешней Сирии. Человек широкообразованный, он известен также как специалист в области экономики и финансов и обладатель большого состояния. В западной печати его называли не иначе, как «красным мультимиллионером», и изображали человеком, который якобы стремится установить в Сирии «коммунистический режим». Это напоминало мне последний фильм Чарли Чаплина, в котором комиссия по расследованию антиамериканской деятельности объявила «коммунистом» некоего короля...

На мой вопрос о том, что составляет цель его политической деятельности, Азем ответил кратко:

— Национальная независимость страны, единство арабских народов.

Стремление к единству живет в народе всех арабских государств,— говорил министр.— Но в некоторых странах позиции правителей очень слабы. Они думают, что иностранцы смогут их защитить. Однако я уверен, что политика Египта и Сирии — самая лучшая и правильная политика, она восторжествует, и все арабские страны объединятся тем или иным образом.

Когда разговор зашел об угрозе империалистической агрессии и военных провокациях на границах, начавшихся сразу после разоблачения американского заговора, Халед эль-Азем сказал:

— Мы не боимся этих угроз и уверенно смотрим вперед. Наша уверенность покоится на трех главных факторах: во-первых, патриотизм, единство народа, его непримиримая ненависть к колониализму; во-вторых, наша молодая армия, которая сейчас хорошо вооружена и приведена в боевую готовность для отражения агрессии; и, в-третьих, поддержка наших друзей, которые твердо стоят на страже мира.

Теперь, после разоблачения заговора,— продолжал министр национальной обороны,— сирийская армия едина, ею командуют

Президент Республики Шукри Куатли прибыл в район строительства оборонных сооружений близ Дамаска.

офицеры-патриоты, враги колониализма. Вооруженные силы очищены от слуг империалистов.

Я спросил господина Азема о том, каковы перспективы экономического развития страны.

— Я не сомневаюсь,— ответил он,— что в ближайшее время в Сирии наступит период экономического процветания. Важнейшую роль в этом играет советско-сирийское экономическое соглашение. По нашей просьбе советские специалисты изучили ресурсы страны и составили свой доклад. Осуществление проектов, предложенных русскими инженерами, дает возможность увеличить национальный доход в три — четыре раза.

Наша задача — как можно быстрее осуществить эти проекты, и если это нам удастся, мы достигнем расцвета страны. В этой работе мы опираемся на помощь Советского Союза.

Сирию и Советский Союз связывают узы нерушимой дружбы, уже испытанной в грозные дни. Я уверен, что их никому не удастся разорвать,— сказал в заключение беседы Халед эль-Азем.— Империалисты часто говорят, будто СССР хочет получить в Сирии военные базы. Все это чепуха. Впрочем, Советский Союз действительно имеет в Сирии многочисленные базы, но находятся они не в портах и не на аэродромах, а в сердцах сирийцев-патриотов, преисполненных любви и благодарности к великой дружественной стране.

Пример Сталинграда

В город Халеб мы приехали поздно вечером и остановились у подъезда гостиницы «Омаяд».

— Имеете свободные комнаты? — спросил я у портье.

— Пожалуйста. Восемнадцать лир в сутки.

— Хорошо.

— Дайте ваш паспорт, пожалуйста.

— Вот он.

— Русский?

— Как видите.

— Тридцать процентов скидки.

— Почему?

— Симпатия.

Пожилой человек, сидевший за столом с газетой и чашкой кофе, услышав разговор, поднялся. Он подошел ко мне и протянул руку.

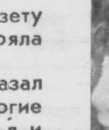
— Спасибо, от всего сердца спасибо! — сказал он, с чувством пожимая руку.— Вот здесь напечатано,— он указал на газету,— саид Хорошов сказал, что Советский Союз не оставит Сирию в беде. Этого сирийцы никогда не забудут.

«Хорошов» — так на Ближнем Востоке многие называют Н. С. Хрущева по ассоциации с русским словом «хорошо», весьма распространенным сейчас в Египте, Сирии и других арабских странах.

Старик, который оказался механиком из соседнего гаража, еще раз пожал руку и добавил:

— У нас есть поговорка: «От сердца к сердцу». Это когда два человека живут, как братья. Я думаю, это справедливо не только для отдельных людей, но и для наших народов.

Портье, лифтер, посыльный и еще какие-то люди, сидевшие в небольшом холле гостиницы, подошли, и каждый по очереди пожал мне руку.

Старик положил на стол газету и взял винтовку, которая стояла у стены.

— Сегодня получил,— сказал он, показывая оружие.— Многие жители Халеба получили ружья и автоматы для защиты города. Ведь враг совсем близко! Если он придет, его надо встретить.

Халеб находится всего в нескольких десятках километров от турецкой границы, где в зловещей готовности стояло около 700 танков и ждало сигнала к вторжению. В оперативных документах турецкого генштаба, составленных под присмотром американских военных экспертов, день начала интервенции был зашифрован буквой «Д». Турецкие самолеты то и дело нарушали воздушное пространство Сирии вблизи Халеба. Аэропланы «неизвестной» национальности залетали в глубинные районы страны. Они появлялись со стороны моря, где стояли корабли Шестого американского флота.

По Сирии разнесся клич:

— К оружию, граждане! Страна в опасности!

У меня было рекомендательное письмо к одному здешнему инженеру по имени Рашид Хасул с просьбой показать город. И наутро я сразу отправился к нему. Инженера не оказалось дома. Пожилая седовласая женщина в длинной черной одежде сказала:

— Он сейчас в своем батальоне.

— Разве устаз Хасул — солдат?

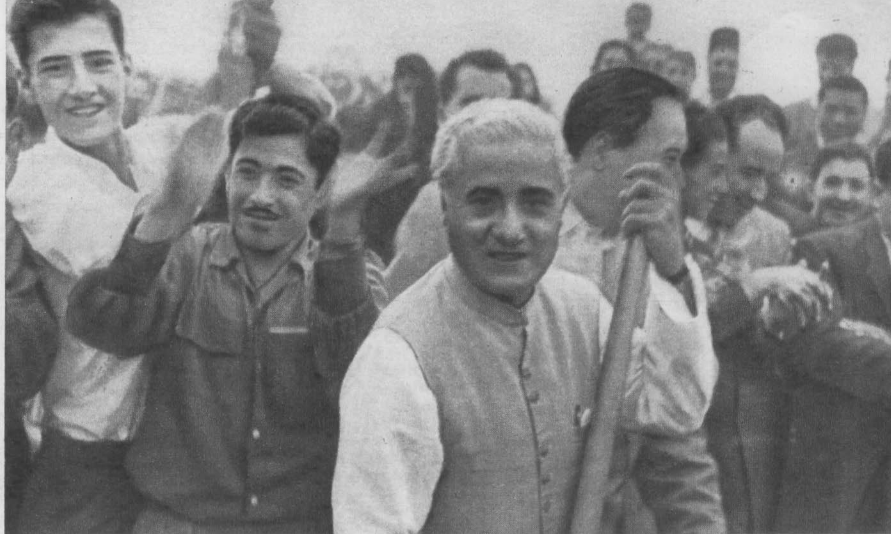
— В такое время каждый мужчина — солдат. Но дочка тоже стреляет. Вчера пришла и говорит: «Мама, я пять раз попала в мишень». Аллах свидетель, я ее даже не ругала, хотя это и не женское дело — стрелять из ружья. Вы пойдите в цитадель, Рашид должен быть там,— сказала женщина на прощание.

Цитадель стоит в центре города, на большом круглом холме с плоской вершиной. Желтые зубчатые башни ее вцепились в поднебесье и застыли над всей округой в густой синей вышине. Глубокий, шириною в тридцать метров ров, в былые времена заполнявшийся водами реки, кольцом опоясывает гору.

Смотритель древностей цитадели Абдалла Курди провел меня внутрь крепости. С высоких ее бастионов виден весь Халеб — самый большой город Сирии, пестрый и яркий, как узорный восточный ковер. А желтые широкие стены крепости, будто поясом, стягивают нагромождение руин — рухнувшие своды, упавшие колонны, засыпанные лестницы.

— Если эту гору, на которой стоит цитадель, разрезать вертикально пополам,— говорил смотритель,— то пласты земли здесь подобны страницам великой книги. Они рассказали бы бурную историю этой страны от глубокой древности до наших дней. Две с половиной тысячи лет стоит здесь эта крепость. Сколько пришлых завоевателей видели ее седые камни! У ее стен сражались войска вавилонских царей, когорты Александра Македонского и римские легионы, персы и византийцы. Она видела крестоносцев, монголов, египетских мамелюков, ею владели турки-османы.

Памятники глубокой старины перемежаются здесь со следами недавних событий.

Член подготовительного комитета по созыву конференции солидарности народов стран Азии и Африки, член индийского парламента Ануп Сингх принял участие в сооружении укреплений близ Дамаска.

— Видите вон те здания? — указал Абдалла Курди на группу приземистых построек у дальней крепостной стены.— Это казармы французских экспедиционных войск — последних оккупантов страны.

Он показал мне недавно раскопанный внутренний дворик римского дворца, подземные турецкие казематы, древнюю мечеть и разрушенный храм, возведенный еще византийцами.

— Еще лет тринадцать назад стены этого храма были покрыты изразцами старинной работы, воспроизводящими арабески необыкновенной красоты. Об их прелести вы можете судить по этой фотографии,— говорил смотритель, указывая на небольшой снимок, висевший на ободранной стене.

— А где же сами изразцы? Их передали в музей?

— Нет, их увезли колониалисты, когда покидали страну. А это сегодняшний день цитадели,— сказал Абдалла Курди, указывая вперед.

На площади собралось несколько сот мужчин. Одни из них стояли в строю, другие сидели плотной кучкой на траве и учились разбирать автомат, третьи тренировались в метании гранаты. Это ополченцы проходили боевую подготовку.

Здесь были люди самых разных профессий и социальных групп. Седоусый старик в феске стоял в строю рядом с юношей в синей фабричной рубахе, щеголевато одетый мужчина в шляпе, а рядом с ним человек в традиционной арабской одежде.

Увиделись мы с Рашидом Хасулом лишь утром следующего дня.

— Сейчас по призыву властей люди идут строить укрепления вокруг города,— сказал Рашид и предложил отправиться туда.

Толпы горожан с лопатами и кирками потянулись к северной окраине Халеба. Здесь, на холмах перед городом, собралось множество людей. Мухафиз (губернатор) Исмаил Кули обратился к ним с речью:

— Здесь среди нас, вышедших на защиту родного города, руководители всех партий, служители всех религий. Мы все объединились перед угрозой военной интервенции. В этом единении всей нации — наша сила. Великий пример единства и стойкости нам показал Сталинград. Мы все будем идти рядом, и если нападут агрессоры, наш город станет для них Сталинградом!

— Аш! Аш! Аш! — Приветственные крики людей покрыли последние слова мухафиза, и в воздух поднялись сжатые кулаки, лопаты, кирки.

Победа мира

Следом за Халебом на укрепление города вышли жители Дамаска. 1 ноября правительство республики объявило «неделю гражданской самообороны». На строительство оборонных сооружений близ Дамаска приехал и взял лопату президент Шукри Куатли.

В это время в городе находились члены подготовительного комитета по созыву конференции солидарности народов стран Азии и Африки в Каире. Они также решили внести лепту своего труда в дело защиты Сирии от угрозы империалистического нападения.

Я видел, как сотни рук тянулись к члену индийского парламента Анупу Сингху, работавшему с лопатой в траншее, к его друзьям по комитету — представителям Китая, Японии, Египта и других стран.

Все миролюбивые силы мира подняли свой голос в защиту независимости Сирии, против угрозы войны. Преступные замыслы колонизаторов были разоблачены на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций. Многие арабские государства заявили, что они немедленно выступят на помощь Сирии, если она подвергнется военному нападению.

Адиб Шишекли, исчезнувший из Дамаска после тайных совещаний заговорщиков в американской квартире, объявился спустя месяц в Турции. Там безработный диктатор поспешно сформировал «сирийское правительство» из числа беглых политиканов и заговорщиков и с нетерпением ждал дня, когда он в обозе интервентов въедет в Дамаск.

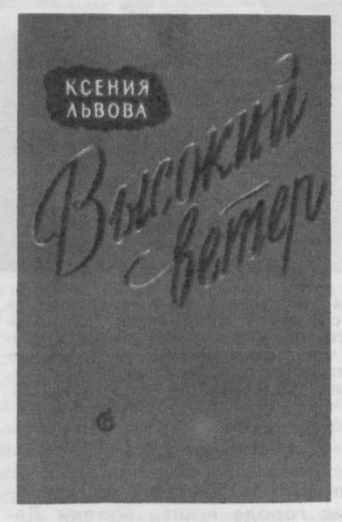
Интервенция сорвалась. Хозяева, не любящие лишних расходов, перестали давать «правительству» деньги на пропитание, и оно «пало», то есть его «министры» занялись своим обычным делом — мелкими спекуляциями, чтоб заработать на хлеб насущный.

Бывший диктатор остался без работы, и теперь снова предлагает свои услуги. Правда, ныне спрос на беглых диктаторов невелик...

Грандиозная провокация против мира, замышленная в кабинетах государственного департамента США, провалилась. Черная туча войны стала рассеиваться.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Высокий ветер

«Высокий ветер» — это очищающий ветер коренного преобразования советской деревни в годы «великого перелома», когда советское крестьянство твердо встало на путь коллективизации.

Ксения Львова — автор романа «Высокий ветер», писательница, журналистка — непосредственно участвовала в колхозном строительстве, ездила по селам, собирала материалы для боевых очерков, разоблачала маневры кулаков и богачей-захребетников. Живые, еще горячие наблюдения помогли Львовой правдиво показать острые социальные конфликты, сложные драматические взаимоотношения в деревне тех лет.

Роман впервые был опубликован в 1935 году, но и сейчас, спустя двадцать с лишним лет, он читается с волнением. Близки и понятны нам исторические, значительные события тех лет, достоверно воссозданные К. Львовой.

В колхозе «Заря коммунизма» жарко и споро трудятся объединившие свои хозяйства бедняки, батраки, середняки. Но кулачье соседней Полудневки во главе с изворотливым Спиридоном Кормилавовым создает свой ТОЗ (товарищество по общественной обработке земли).

Замысел удается: головотяпы и вредители из района узаконили кулацкую артель, куда для «классовости» обманным путем вовлечены и бедняки и середняки Полудневки. Но одного не учли лжеартельщики: народного ума, классового чутья бедноты, яростной ненависти к тунеядцам.

Вдова Ариша, бригадная кашеварка, хватившая «горького до слез», мечтает стать ударницей на колхозных полях: «Мы этого колхоза сто лет ждали... Подойдет, бывало, весна, а тебя с сердца нудит — загон не пахан. Идешь к отцу нашему, к кулачку,— дай лошаденку, христа ради... Он даст, а после за лычко возьмет ремешок... Тут под корень идет!»

Да, «под корень», подтверждает коммунист, председатель правления колхоза Звирбуль, проверяющий каждый свой шаг по Ленину, ибо «жизнь сейчас переделывалась по планам, заложенным в этих живых и горячих ленинских томах...» Резко осуждает Звирбуль действия председателя сельсовета, пытавшегося голым администрированием разрешить сложнейшие вопросы колхозного строительства.

Психологически убедительно раскрывает Львова образ середняка Митрия, горестные его раздумья и сомнения, острую, непереносимую тоску по собственности. Агроном, с которым он делится своими страхами и колебаниями, говорит мятущемуся мужику:

«— Я тебя понял, Митрий Тимофеич... Но еще раньше понял тебя товарищ Ленин. Он говорит о страшной привычке миллионов к собственности, к старому укладу жизни... Эту привычку мы в себе победим».

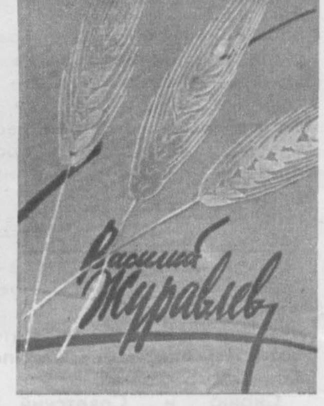
Разоблачение классовых врагов, изгнание их из Полудневки — большая победа крестьян, ведомых коммунистами. Но еще важнее завоевание доверия трудового крестьянства, приток в партию лучших сил народа. Колхозник Кузьма, принятый в партию, ночью тревожно и радостно оглядывается на пройденную им жизненную нелегкую школу: «Оправдает ли оказанное ему великое доверие, осилит ли ношу?.. Уронить эту ношу нельзя, ибо в ней вся судьба народного дела... Впереди лежал длинный путь. Знал Кузьма, что много положено ему свершить и что он не уронит ношу».

...Этими словами заканчивается «Высокий ветер»—волнующий роман о могучем движении тружеников деревни.

В. СОЛНЦЕВА

Ксения Львова. Высокий ветер. Роман. «Советский писатель». Москва. 1957. 296 стр.

ПОЭТ НА ЦЕЛИНЕ

Достоинство поэта Василия Журавлева — в непоседливости, в глубоком пристрастии ко всему живому и прежде всего к людям труда. И не случайно в разгар всенародной борьбы за хлеб целины Журавлев поехал к берегам Тобола, в кустанайские степи. Его поэтический отчет о поездке полон ярких впечатлений.

Главное в книге — люди, с виду ничем не примечательные, но сильные, духом, и поэт не скрывает своей симпатии к ним. Вот шофер, которому нипочем все расстояния—«за сутки с ветерочком докачу!». А рядом, через страницу, молодая женщина восторженно воюет за раздельную уборку. И еще много приятных встреч: с супругами Васильевыми — комбайнерами, которых от штурвала «не оторвать, не отогнать»; с хрупкой студенткой Олей Тамбовцевой, для которой целина стала первым испытанием на трудовую зрелость...

Люди труда входят в стихи Журавлева, как типические образы героев нашего времени, которым свойственны и романтическая окрыленность, и чувство красоты, и то, что поэт называет беспокойством.

В поэме, озаглавленной этим многозначащим для Журавлева словом, нет, собственно, сюжета, каких-либо драматических коллизий. В портрете Евгения Федоровича Каля, главного технолога «Соколоврудстроя», автор задумал «отразить век», хотя внешне поэма представляет частный разговор автора со своим старым другом. Как бы ни прозаично было дело, которым занят технолог, он человек действия.

«Тетрадь Семена Бурыгина» привлекает свежестью наблюдений, теплотою чувства, многообразием тем. Это, по существу, маленькая энциклопедия целинника.

Читатель наверняка обратит внимание и на мелодичные «Песни Гюльды». Написанные в традициях казахской народной поэзии, они воспринимаются как русские стихи.

Страницы книги согреты горячим дыханием земли, насыщены запахами неведомых трав, и кажется, что тебя обступают хлеба, захлестывают безбрежные волны пшеницы. Поэт увидел, как преобразилась, «подобрела» степь, «обретшая материнство».

Василий Журавлев — один из первых поэтов, «вспахавших целину». Отрадно, что вспышка эта оказалась не поверхностной, а глубинной.

С. НИКОЛАЕВ

Василий Журавлев. Беспокойство. Книга стихов. «Молодая гвардия». Москва. 1957. 176 стр.

Неизвестное стихотворение Куприна

Два плотных листка бумаги, удивительно знакомый, местами неразборчивый почерк. Стихи. Почерк писателя Куприна и его подпись под стихами.

Куприн, чудесный прозаик, не раз «грешил стихами». Правда, он писал шуточные стихи, но эпиграммы его запоминались.

Публикуемое стихотворение А. Куприна не совсем лирическое, в нем есть юмористические ноты, но главное: эти строки свидетельствуют о том, как свободно владел стихом наш замечательный писатель-прозаик.

Л. НИКУЛИН

Навсегда

«Ты смешон с седыми волосами...»
Что на это я могу сказать?
Что любовь и смерть владеют нами?
Что велений их не избежать?
Нет. Я скрою под учтивой маской
Запоздалую любовь мою...
Развлеку тебя забавной сказкой,
Песенку веселую спою.
Локтем обопрешься на подоконник,
Смотришь ты в душистый темный сад.
Да. Я видел: молод твой поклонник.
Строен он, и ловок, и богат.
Все твердят, что вы друг другу пара,
Между вами только восемь лет.
Я тебе для свадебного дара
Присмотрел рубиновый браслет.
Жизнью новой, светлой и пригожей,
Заживешь в довольстве и любви.
Дочь родится на тебя похожей.
Не забудь же, в кумовья зови.
Твой двойник! Я чувствую заране —
Будет ласкова ко мне она.
В широте любовь не знает граней.
Сказано: «Как смерть она сильна».
И никто на свете не узнает,
Что годами, каждый час и миг,
От любви томится и страдает
Вежливый, внимательный старик.
Но когда потоком жгучей лавы
Путь твой перережет гневный Рок,
Я охотно, только для забавы,
Беззаботно лягу поперек.

Разведчик капитан Дементьев

Теперь уже стало традицией, что, раскрывая номер газеты или журнала, вы встречаетесь с новой приключенческой повестью. И сразу бросается в глаза одно обстоятельство. Все чаще и чаще наши литераторы отказываются от искусственного нанизывания внешне эффектных эпизодов и обращаются к раскрытию духовного мира героев. Такова и новая повесть В. Ардаматского — «Я 11—17...», посвященная благородной работе советских разведчиков в годы Великой Отечественной войны.

Василий Ардаматский. «Я 11—17...». Повесть о приключениях капитана Дементьева. Детгиз. 1957. 55 стр.

Когда думаешь о том, что определяет ее основной пафос, то неизбежно приходишь к выводу: утверждение душевного, морального благородства советских людей.

В какие бы трудные положения ни попадал герой повести разведчик Дементьев, он неизбежно выходил победителем. Выходил победителем не потому, что враги слабее его. Нет, Дементьеву противостоят сильные противники. Он побеждает великой верой в наше дело; его нервы выдерживают там, где только высокая духовная закалка позволяет людям «стоять насмерть».

Да, разведчики — люди особого склада, характера, ума. Далеко от друзей находится Дементьев. Его посылают в самое логово врага — портовый город, превращенный фашистами в гигантский эвакопункт отступающих гитлеровских дивизий. Но почти ни один транспорт, нагруженный техникой и награбленным добром, не достигает берегов Германии. За всем этим стоит Дементьев, рядовой советской разведки, для которого «высшее счастье — исполненный воинский долг»...

Многое можно сказать о достоинствах книги Василия Ардаматского. Основное же — в ее ясной идейной целеустремленности, в утверждении высоких идеалов служения народу. Решенная в интересных сюжетных поворотах, насыщенная драматизмом острой борьбы, приключенческая повесть Василия Ардаматского дойдет до сердца молодого читателя.

Анатолий ЕЛКИН

С. А. Чуйков. ДОЧЬ ЧАБАНА. Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

М. С. Сарьян. АРАРАТ ИЗ БЮРАКАНА.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

А. С. Аракелян. АИСТЫ.

ЧЕТВЕРО ЗА ОДНИМ СТОЛОМ

Они сидят в уютном номере гостиницы «Украина», эти четверо людей разного возраста, принадлежащие к различным слоям японского общества.

Вот они, познакомьтесь: Токуо Акияма, социалист, руководитель группы, невысокого роста, с тонкими усиками, больше похожий на жителя южной Европы, чем на японца; Тадао Кода, вице-председатель префектурирального совета профсоюзов, юноша крепкого сложения, с большими натруженными руками; Тадаси Мидзусава, член токийского комитета правящей либерально-демократической партии, плотный, жизнерадостный, любящий веселую шутку, и Такатоми Итиносэ, председатель муниципального собрания префектуры Оита, также член правящей партии. Он уже немолодой человек, в очках, судя по бронзовому загару его лица, уроженец южной части Японии.

Все четверо принимали участие в работе Каирской конференции и в числе других делегатов остановились в гостеприимной Москве на пути домой.

— Скажите, пожалуйста, какие решения Каирской конференции вы считаете особенно важными для Японии?

Первым раздается негромкий, слегка застенчивый голос молодого Кода:

— Запрещение атомной и водородной бомбы, решительная борьба против колониализма, за национальную независимость — вот к чему призвала народы мира конференция в Каире. Наряду с этим необходимо активно выступать и за улучшение жизни трудящихся. Мы должны препятствовать снижению заработной платы, росту безработицы...

— Я возражаю против подобного толкования основных решений Каира! — оживленной скороговоркой перебивает Мидзусава.— Главное — это полное запрещение использования и испытаний атомного оружия. Оно принесло японскому народу нестерпимые бедствия, и мы не можем допустить повторения Хиросимы и Нагасаки! Что касается положения трудящихся и их борьбы, то это — дело профсоюзов.

Неожиданно возникает горячий спор. Только после того, как берет слово руководитель группы Токуо Акияма, дискуссия затихает.

Акияма говорит о том, что каждая прослойка, каждый круг людей в Японии имеет свои интересы, свои требования. Однако единым, общим желанием всех является борьба за запрещение атомного и водородного оружия, желание предотвратить пожар новой войны. Без этого не могут быть решены никакие другие вопросы.

В наступившей тишине я задаю следующий вопрос:

— Каково ваше мнение относительно недавних выборов на острове Окинава?

На поставленный вопрос желает ответить Токуо Акияма. Вначале спокойный, он начинает постепенно волноваться и сопровождает свою речь выразительными жестами:

— Японский народ не может примириться с тем, что остров Окинава насильственно отторгнут Соединенными Штатами. Если учесть, что на территории собственно Японии находится несколько сот американских

Г-н Сэнага и г-н Канэси приветствуют избирателей после победы на выборах.
Фото «Джэпэн пресс».

баз, общая площадь которых равна площади одного из крупнейших японских островов, Сикоку, то станет ясно, какое значение приобретает сегодня борьба за национальную независимость, против иностранного вмешательства. События на Окинаве приковали к себе внимание всего японского народа, он с огромным волнением следил за их развитием. Как известно, г-н Сэнага, бывший мэр города Наха — столицы острова, был смещен американцами. Недавно они организовали новые выборы, надеясь одержать на них победу. Однако на пост мэра был избран г-н Канэси — кандидат народа. Значение этого события выходит далеко за рамки избирательной борьбы. Все стали свидетелями того, как вооруженные до зубов американцы ничего не смогли сделать с безоружными массами японцев. Ни полиция, ни американская военная машина оказались не в состоянии справиться с народом, объединенным общей целью.

Токуо Акияма как бы для большей убедительности поднимает над головой две сжатые руки и еще раз повторяет последние слова.

Остальные трое в знак полного согласия кивают головами...

Короткая беседа приближается к концу. Недавний спор забыт. Все четверо убеждены, говорят о том, что сегодня самое действенное оружие японского народа в его борьбе за национальную независимость — единство. Тяга к объединению захватывает самые различные слои населения Японии. Четверо, которые сидят сейчас за одним столом, как бы символизируют это могучее, плодотворное для японского народа движение.

Мих. ЕФИМОВ

«Хождение за три моря» в Индии

6 декабря 1957 года в Бомбее состоялась премьера первого индо-советского фильма, «Пардеси» («Чужестранец») — так называется в Индии фильм «Хождение за три моря».

Индийские зрители горячо приняли кинокартину. Рассказ о мужественном человеке, пришедшем из далекой Руси, взволновал сердца многих людей. Газеты и журналы получили огромное количество писем. Индийская фирма «Найя Сансар», которая вместе с советской киностудией Мосфильм создала это произведение, объявила конкурс на лучший очерк о фильме. Победителя ждет заманчивая премия — бесплатная поездка в Советский Союз.

К двадцатому января в адрес «Найя Сансар» поступило 11 тысяч писем. Несколько сот из них написаны стихами. Срок конкурса — 10 февраля.

На снимке — кинотеатр Регаль, один из трех кинотеатров, в которых демонстрировался фильм об Афанасии Никитине.

Л. МОРОШКИНА

ОСТРОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО

XXV Всесоюзный чемпионат по шахматам

Редко в шахматной истории выпадает такой успех, какой выпал на долю М. Таля в прошлом чемпионате СССР. Его имя сразу же прогремело на весь мир. Естественно, что нового чемпиона в родном городе — Риге — встретили с оркестром.

Задача М. Таля в нынешнем чемпионате стала сложнее. Он защищает свое звание и «не имеет права» разочаровать огромное количество поклонников в шахматном мире и прежде всего в Риге. К Талю в гости приехали семнадцать сильнейших шахматистов страны (Гипслис — рижанин). Но они приехали не как туристы, которых интересуют достопримечательности Риги. О, нет, они приехали сюда с намерением увезти в качестве сувенира золотую медаль чемпиона! Да, да, я знаю «своих братьев»-гроссмейстеров. Одни хотят, чтобы чемпионом страны был москвич, другие — ленинградец, третьи считают, что Одесса — красивейшее и самое подходящее местожительство для чемпиона, а один из них думает: не мешало бы хоть разочек увезти медаль в Минск. Рига же страстно хочет, чтобы чемпионом остался их земляк. Ему и в Риге хорошо. Вот вам и разногласия и достаточный повод для конфликта за шахматной доской.

В столицу Латвии участники приехали с превосходной теоретической подготовкой, и надо сказать, что в некоторые варианты уже внесены любопытные теоретические поправки. Но не это сейчас интересует болельщиков. Они с первого же дня ведут турнирную таблицу. Участники тоже записывают результаты в свою табличку... Но это до поры до времени. Стоит шахматисту проиграть две — три партии, и он перестает интересоваться учетом. Кому охота записывать самому себе нуль (или «бублик», как говорят шахматисты)?

Мощный старт Е. Геллера выдвинул его в группу лидеров. Одесский гроссмейстер «обидел» А. Толуша и Б. Спасского — учителя и ученика, Спасский все же доволен: он единственный, кому удалось украсить таблицу тремя победами подряд.

С подъемом, очень старательно играет Ю. Авербах. А как Таль? Ему приходится пока трудновато. Ведь у многих наших гроссмейстеров имеется «зуб» на Таля. Однако у чемпиона акции высокие.

Уверенно, крепко, как всегда, играет Т. Петросян. Он, словно по расписанию, делает одну — две ничьи и по дороге кого-нибудь «прихватывает» полностью. А больше и не требуется!

Доволен должен быть и Д. Бронштейн. Некоторые авторы радиорепортажей и газетных отчетов предсказывали проигрыш Д. Бронштейна в двух — трех партиях, но первый нуль у него появился лишь в последний час первого «хавтайма» от А. Гипслиса, который очень нуждался в победе, иначе ему грозило прозвище «принц ничьих».

Поскольку и И. Болеславский неожиданно пострадал от Н. Крогиуса, то после первой половины турнира только Т. Петросян и Е. Геллер идут без проигрыша.

О А. Котове начали шутить, что он хорошо пишет про шахматы. О, нет, энергичный и волевой гроссмейстер еще покажет свою силу за шахматной доской!

Мастер А. Банник (Киев).

Дружеские шаржи Л. Самойлова.

Гроссмейстер Д. Бронштейн (Москва).

И. Болеславский, как всегда, добродушен и миролюбив. Но если его трогают, он может и ответить. Это хорошо почувствовали М. Таль и В. Корчной. В. Корчной, в свою очередь, победой над М. Талем несколько поправил свои дела.

Недоволен первой половиной турнира М. Тайманов. Он выступал в качестве «мецената» для мастеров (Б. Гургенидзе и А. Суэтина). Немного очков и у А. Толуша. Расстроен ли этим бодрый Александр Казимирович? Не думаю. Через несколько минут он старается забыть о неудаче и думает о завтрашней партии, которую нужно выиграть, причем красиво. Молодец старейший участник чемпионата! У него нет ничьих.

В этом чемпионате одиннадцать гроссмейстеров решили не выдавать «пропуск» никому из мастеров. Все первые места они уверенно занимают сами. По-видимому, нового гроссмейстера мы на этот раз не получим.

Почему же так сильно стараются гроссмейстеры? Наш чемпионат имеет большое спортивное значение. Прежде всего каждому хочется завоевать золотую медаль. А кроме того, четыре победителя чемпионата попадут на межзональный турнир в Портороже (Югославия) в августе. Это будет не только приятная поездка на красивый курорт на Адриатическом море, но и важный этап в борьбе за первенство мира в 1960 году. Но и это еще не все. В октябре в Мюнхене состоится XIII шахматная Олимпиада, и понятно, что те, которые сыграют неудачно в Риге, не попадут в сборную СССР. Вот почему такая острая борьба за первые места.

Сало ФЛОР

Рига.

Новая роль Яблочкиной

Ан. ФИНОГЕНОВ

Народная артистка Союза ССР Александра Александровна Яблочкина, 90-летие которой год тому назад отмечала вся театральная общественность, недавно приступила к работе над новой ролью. В инсценировке романа выдающегося английского писателя У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» она играет мисс Кроули.

— Еще в юные годы,— сказала актриса,— я зачитывалась произведениями Теккерея, в особенности замечательной «Ярмаркой тщеславия». Моя героиня — мисс Кроули — отрицательный персонаж. Она стопроцентная эгоистка, сплетница, типичный представитель буржуазного общества. Конечно, человечески она мне несимпатична, и свое отрицательное отношение к ней я постараюсь передать в игре с такой силой, чтобы и зрители резко осудили ее. Удастся ли мне это,— судить не могу.

Более 400 ролей сыграла я за свою долгую сценическую жизнь, но при создании каждой новой роли всегда волнуюсь: как примет ее зритель?

Какую же первую роль исполняла актриса?

— Первые аплодисменты, — сказала Александра Александровна,— я заработала, когда мне было... шесть лет. Для спектакля «Испорченная жизнь» искали ребенка, который могбы выступить в роли мальчика. Выбор пал на меня. Мне сшили сюртучок, брюки. Наступил день премьеры. Поднялся занавес. Я вышла на сцену, но едва успела вымолвить несколько слов, как забыла, что нужно говорить дальше. Суфлер изо всех сил старался помочь мне. Но я молчала, а потом вдруг выпалила: «Пожалуйста, не жужжите, я и без вас знаю роль!» В зале раздались бурные аплодисменты. Это меня подбодрило, я вспомнила слова. Спектакль продолжался...

Помимо работы в Малом театре, у Александры Александровны Яблочкиной большая общественная деятельность. Свыше 40 лет она возглавляет Всероссийское театральное общество. Принимает участие в концертах...

— Пока артист играет, он живет,— говорит Александра Александровна.— Я играю потому, что люблю жизнь. Я хочу творить и творить во имя прекрасного искусства, безраздельно принадлежащего моему народу...

А. А. Яблочкина.

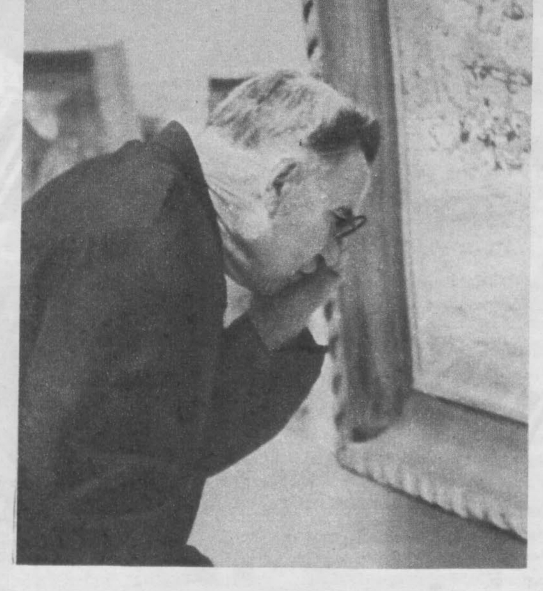
Фото Дм. Бальтерманца.

НА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫСТАВКЕ

Наверное, о каждом искусстве нужно говорить на языке этого искусства. Бесцельно стараться «рассказать» симфонию Моцарта или фугу Баха. Даже стихи невозможно передать прозой или воспроизвести их кистью. Ну, как пересказать пушкинское «Я помню чудное мгновенье»?.. Но истинное искусство, какие бы формы оно ни находило для своего выражения, всегда постоянно в одном: оно будит водоворот чувств и мыслей.

Вот об этом — о мыслях и чувствах, которые рождало у людей созерцание произведений изобразительного искусства, представленных на Всесоюзной художественной выставке,— рассказывает читатель В. КАЛМЫКОВ. Но об этом «зримом» искусстве он и говорит «зримо». С помощью фотообъектива он постарался «подслушать» посетителей выставки. О чем они говорят, о чем думают? Может быть, Вы, читатель, «прочтете» эти фотографии иначе. Тем лучше: значит, выставка вызывает много раздумий. А следовательно, делает свое дело.

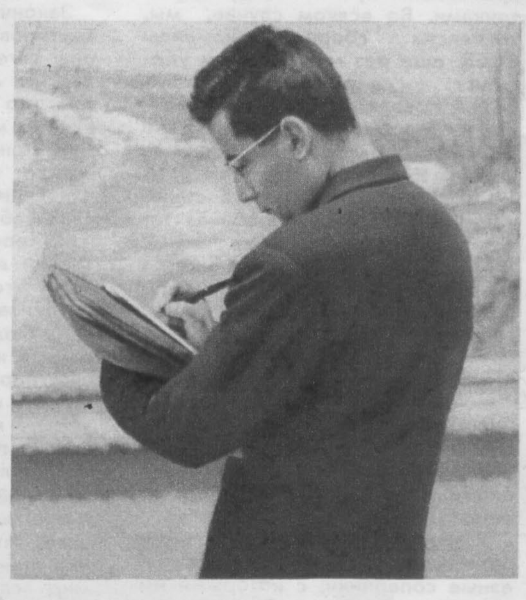
— И для тебя, дружок, этот человек будет вечно живым и необходимым. Я знаю.

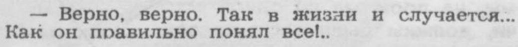
— Как же фамилия этого художника? Поновому видит, очень свежо и остро...

— Колорит верен. Но детали, пожалуй, не точны...

В блокноте появилась запись: «В это время дня воздух обретает цвет». Как это я не замечал до сих пор?..

— Верно, верно. Так в жизни и случается... Как он правильно понял все!..

ЧЕРЕЗ ОТТАВУ В ОСЛО

Матч между сборной командой Москвы и английским клубом «Харрингей Рейсерз». Н. Хлыстов забрасывает шайбу.

Фото А. Бочинина.

Н. СОЛОГУБОВ,

заслуженный мастер спорта СССР

Близится начало мирового чемпионата по хоккею с шайбой. 28 февраля в Осло встретятся сильнейшие команды многих стран. Корреспондент «Огонька» обратился к капитану сборной команды СССР Николаю Сологубову с просьбой поделиться с читателями журнала своими мыслями о хоккейном сезоне.

Как известно, в практической жизни прямая не всегда является кратчайшим путем между двумя точками. Во всяком случае, мы, хоккеисты сборной команды СССР, еще раз могли в этом убедиться, когда решался вопрос о нашей поездке в Канаду. Конечно, из Москвы по прямой ближе к Осло, но мы избрали путь туда через... Канаду.

Советские хоккеисты впервые приняли участие в борьбе за титул мирового чемпиона зимой 1954 года в Стокгольме, когда они неожиданно для многих победили команду Канады и завоевали золотые медали. В следующем году мы должны были уступить первое место канадской команде «Пентинктон», но на Олимпийских играх в Кортина д'Ампеццо добились нового большого успеха, завоевав и олимпийское и мировое первенство.

У традиционных чемпионов мира — канадцев — появились серьезные соперники, с которыми им пришлось считаться. Даже неудача, постигшая команду СССР в прошлом году в Москве, когда мы, не проиграв ни одной встречи, должны были уступить золотые медали шведской команде, как оказывается, не снизила наших «акций». В ноябре прошлого года мы получили приглашение прибыть в Канаду для встречи с лучшими командами страны.

К этому времени состав сборной СССР только намечался. Ее ворота защищали Евгений Ёркин и Николай Пучков, защиту вместе со мной осуществляли такие опытные мастера своего дела, как Дмитрий Уколов, Генрих Сидоренков и Иван Трегубов, а в нападении вместе с ветеранами команды Алексеем Гурышевым, Николаем Хлыстовым и Юрием Пантюховым пробовали свои силы молодые игроки, воспитанные новым тренером А. В. Тарасовым.

Закончили свой блестящий путь мастеров хоккея Всеволод Бобров, Евгений Бабич, Виктор Шувалов, но мы скоро убедились в том, что молодежь с успехом заняла их места. Вениамин Александров, Константин Локтев и Александр Черепанов — тройка нападающих отлично зарекомендовала себя уже во многих встречах. Хорошо сыгралась и другая тройка в составе Юрия Копылова, Анатолия Олькова и Владимира Елизарова.

По сравнению с прошлыми годами в команде произошли большие перемены. Многим казалось, что это не может не сказаться на уровне игры, но после тренировок и первых соревнований мы посчитали себя достаточно готовыми для поездки в Канаду.

Кто из любителей спорта не знает, что Канада является родиной хоккея с шайбой! На весь мир славятся хоккеисты этой страны. За последние четыре года мы встречались с тремя канадскими командами. А тут за месяц нам предстояло восемь встреч!

Первое выступление советских хоккеистов вызвало большой интерес: команда «Уитби Данлопс», с которой мы играли в Торонто, также готовилась к чемпионату мира в Осло. Эта первая игра прошла для нас неудачно. Несмотря на то, что Пантюхов и Александров в первые же две минуты забросили две шайбы, матч мы проиграли со счетом 7 : 2. Никогда еще не приходилось нам так трудно, никогда еще я не был так измотан. Когда в перерыве между периодами я встал под душ, то долго не мог разобрать, какая же вода льется на мою голову, холодная или горячая.

Но, как говорится, нет худа без добра. Игра с «Уитби Данлопс» была большим экзаменом для защитников сборной СССР и позволила нам проверить запасы нашей прочности. Мы смогли убедиться в том, что одно из основных требований современного хоккея — универсальность игрока.

Уже впоследствии, встречаясь с другими канадскими командами, я увидел, что у канадцев все больше стирается грань между защитниками и нападающими. Многие нападающие так же уверенно играют в защите, и, наоборот, почти все защитники взаимодействуют с нападающими, обладают точным и мощным завершающим ударом.

У нас же до сих пор нападающие чувствуют себя очень неуверенно в обороне, а шайба, забитая защитником, является если и не сенсацией, то довольно заметным событием.

Была еще одна причина, которая не позволила нам удержать преимущество, достигнутое в первые же секунды игры с хоккеистами «Уитби Данлопс». К своему удивлению, я встретил на поле известного мне по играм в Кортина д'Ампеццо капитана команды «Китченер Датчмен» Джека Маккензи, признанного на Олимпийских играх лучшим нападающим. Откуда он здесь взялся? На правах старого знакомого я спросил об этом Маккензи, и он ответил, что временно приглашен сюда с тем, чтобы принять участие в мировом первенстве.

Через несколько дней я снова столкнулся с этим хоккеистом. На этот раз он возглавлял атаки «Китченер Датчмен».. Мы встретились с этой командой после того, как сыграли вничью с хоккеистами города Виндзора, но на сей раз нам снова пришлось туго, и в этом была немалая заслуга Маккензи и его товарищей по нападению. Канадские нападающие умеют во время атаки не терять наблюдения за полем, что очень важно при силовой борьбе. Поэтому нам, защитникам, применять против них силовые приемы не так-то просто. Но у канадских нападающих есть и слабая сторона. Каждый из них стремится в игре быть премьером, хочет выделиться среди своих товарищей. Объясняется это тем, что, только проявив способности, обратив на себя внимание воротил профессионального хоккея, можно попасть в команду профессионалов, а это является мечтой для каждого канадского игрока. Действуя на поле индивидуально, канадцы не могут понять нашего стремления к игре в пасс, то есть к коллективной игре. Канадцы пользуются передачей шайбы значительно реже, чем мы, и основной их наступательный прием — это «давление на пятачке». Но, как известно, на каждое действие есть свое противодействие. По-моему, наша задача и заключается в том, чтобы противопоставлять тактике «давления» стремительные контратаки. Это позволяет нам в игре с канадцами, пользуясь пассом, быстро выводить для удара того или другого игрока.

Побывав в Канаде, мы еще раз убедились, что канадцы обладают большими резервами. Так, например, кроме Джека Маккензи, мы в команде «Китченер Датчмен» встретили всего только несколько знакомых игроков, остальные же были все молодые спортсмены. Приходилось нам сталкиваться с сильными молодыми хоккеистами и в других городах — Садбери, Монреале, Кингстоне, Оттаве. Здесь мы встречались с не менее сильными командами, чем «Уитби Данлопс» и «Китченер Датчмен», но добивались победы.

Интересно было наблюдать, как постепенно менялись оценки прессы. Если после первого матча газеты считали, что дело «Уитби Данлопс» на мировом первенстве в Осло в «шляпе», то очень скоро обозреватели все более настойчиво стали требовать усиления этой команды перед отправкой ее в Европу.

Надо сказать, что мы действительно играли в Канаде неплохо, и особенно нас, ветеранов, радовала молодежь. Каждая новая встреча с канадцами была для нее большой школой. Первый же успех, который пришел к нам на канадской земле, был связан с уверенными действиями наших молодых игроков против одной из лучших местных команд — «Садбери-синьорс», усиленной несколькими спортсменами другого первоклассного клуба.

Четыре шайбы из семи забитых нами принадлежали молодым хоккеистам Копылову, Елизарову, Олькову.

Таким образом, мы правильно рассчитали, взяв курс на Осло через Оттаву. В столице Канады Оттаве мы провели свой последний матч, выиграв его со счетом 10 : 1 в свою пользу.

Теперь мы заканчиваем подготовку к мировому чемпионату и хотим надеяться, что наша поездка в Канаду укрепила и усилила коллектив. Но мы знаем также, что встречи с советскими хоккеистами, в свою очередь, укрепили и канадский хоккей. Теперь нам остается ждать того дня, когда в честной спортивной борьбе мы сможем наконец установить, какая же хоккейная команда является сильнейшей в сезоне 1958 года.

В защиту ахалтекинца

Г. НЕЧИПОРЕНКО,
главный зоотехник-инспектор по коневодству Министерства сельского хозяйства СССР

Когда человеку впервые понадобилось передвигаться быстрее, чем положила ему природа, когда ему впервые не хватило силы собственных мускулов, он решил выбрать себе из всего многообразия живых существ друга и помощника. Выбор пал на коня, и человек не ошибся.

Вот уже несколько тысячелетий конь служит человеку. Едва ли на земном шаре можно назвать другую породу лошадей, которая могла бы похвалиться такой древностью происхождения, такой пронесенной через тысячелетия типичностью, как ахалтекинская порода.

Из двух коней, подаренных английской королевской семье в 1956 году советскими руководителями, один был ахалтекинцем. Это жеребец Меле-Куш, что в переводе с туркменского означает «Буланая Птица». Говорят, английские специалисты-лошадники не могли оторвать от Меле-Куша глаз, когда впервые его увидели. И не мудрено: его неписаная родословная насчитывала несколько тысячелетий, на протяжении которых копились огонь и страсть в крови его безымянных предков, шлифовалась стать и закалялись мышцы.

Родина ахалтекинцев — Туркмения. Их прародителями принято считать лошадей древней Бактрии, ассирийских, а также парфянских, славившихся красотой, резвостью и неутомимостью. Не исключено, что у легендарного Буцефала, носившего по полям сражений Александра Македонского, текла в жилах и кровь нисейской лошади, которую считают одним из прямых предков современных ахалтекинцев...

Вплоть до тридцатых годов нашего столетия в Туркмении было так: происхождение лошади знал только сам хозяин. Ни племенных книг, ни каких-либо записей вообще не велось. Родословные передавались изустно, от отца к сыну. Очень распространен был инбридинг — близкое родственное спаривание, которое грозило вырождением.

В 1927—1928 годах советский зоотехник, коневод К. И. Горелов, энтузиаст своего дела, провел в Туркмении трудную работу. Он установил и записал происхождение множества ахалтекинских лошадей, определил родословные группы и наметил племенные линии.

По мере того, как через руки советских зоотехников проходили десятки, сотни ахалтекинцев, они все больше убеждались в необходимости сохранить в чистоте эту неповторимую породу.

Вместе с Гореловым ездил в качестве добровольного проводника и бескорыстного советчика старик-туркмен Бек Назар. Уже при жизни старика ходили легенды, героем которых наравне с самим Бек Назаром был его конь Бек Назар Дор.

До последнего времени у туркмен сохранялся такой обычай: коню присваивалось имя хозяина. Скажем, хозяина звали Бек Назар. Если у него лошадь гнедой масти, ее называли Бек Назар Дор — гнедой Бек Назар. Если лошадь рыжей масти,— Бек Назар Ал, и так далее.

Это не случайно. Действительно, трудно пришлось бы в пустыне, где летом стоит жара в 50 градусов, а зимой свирепствуют бураны, без верного и надежного четвероногого помощника, который, если нужно, обходится без конюшни, ест то, чем питается сам хозяин, и может долго оставаться без воды. Даже купают ахалтекинца не так, как других лошадей. Когда чистоплотный конь хочет искупаться, хозяин выводит его на прокаленный солнцем бархан, снимает кошму и седло, и ахалтекинец валяется в горячем песке. Потом коротко отряхнется — и весь заблестит своей гладкой золотистой шерстью.

Ахалтекинцы очень тонко чувствуют отношение к себе. И на любовь хозяина отвечают двойной любовью.

С гнедым Бек Назара был такой случай. Однажды, когда старик крепко спал, конокрады увели его любимца. Несколько дней искал он воров и наконец нашел. Те, сознавшись, что конь у них, только посмеялись над стариком и посоветовали убираться подобру-поздорову. Бек Назар даже плакал, умоляя воров отдать гнедого, но все было напрасно. Прошло несколько дней. И вдруг однажды Бек Назар видит: воры ведут его коня. Гнедой радостно заржал, заметив своего хозяина. Воры передали коня Бек Назару, досадливо развели руками: мол, ничего не поделаешь — и ушли восвояси.

Оказывается, конь все дни, пока находился среди чужих людей, не брал корма, отказывался от воды, короче говоря, «объявил голодовку» в знак протеста, и воры вынуждены были вернуть коня Бек Назару.

По сравнению с орловским рысаком — гордостью русского коневодства,— который был выведен Хреновским конным заводом под Воронежем почти 200 лет назад и с тех пор ревниво охраняется от посторонних примесей, ахалтекинцу не повезло. Конец случайному подбору в туркменском коневодстве был положен только в тридцатых годах. Но уже через несколько лет коневоды сумели выделить в этой породе выдающиеся экземпляры.

Много раз была доказана замечательная способность ахалтекинской лошади к переходам на большие расстояния на быстрых аллюрах. Вспомним хотя бы беспримерный переход Ашхабад — Москва, который был совершен в 1935 году. Четыре тысячи триста километров были пройдены за восемьдесят четыре дня. Только замечательная способность ахалтекинских лошадей к длительным переходам на быстрых аллюрах позволила так успешно закончить этот сверхмарафон.

В 1945 году был организован пробег на 500 километров, в котором участвовали лошади наших лучших пород. Победителем вышел жеребец ахалтекинской породы Тарлан.

Прекрасные качества ахалтекинцев были давно замечены и по достоинству оценены. Сейчас можно считать доказанным, что на формирование знаменитой арабской породы большое влияние оказали ахалтекинцы, а не наоборот, как это считалось долгое время.

Об ахалтекинцах пишут знаменитые путешественники Марко Поло и Афанасий Никитин. Исключительный интерес к ахалтекинской лошади проявлялся во все времена за границей. Она вывозилась в Индию, Иран, Афганистан, Германию и другие страны. Особенно популярны ахалтекинцы в Англии. Достаточно сказать, что в 1904—1905 годах в Англию было вывезено из Туркмении 214 лучших маток, а в 1919 году, во время интервенции англичан в Средней Азии,— 60 жеребцов.

И вот теперь среди некоторых специалистов коневодства Туркменской ССР по совершенно непонятным причинам возникла идея, что нет смысла вести дальше племенную работу с ахалтекинской породой, что ничего страшного не произойдет, если ахалтекинская лошадь растворится в других породах...

Уже сделан практический шаг в этом направлении: принято решение о ликвидации единственного в республике Ашхабадского конного завода.

Этого допустить нельзя. Ахалтекинская порода лошадей — это золотой фонд культурной верховой лошади, переданной нам историей, это ни с чем несравнимая ценность, последние капли того источника чистой крови, который создал все верховое коннозаводство мира. Драгоценная ахалтекинская порода представляет собой национальную гордость туркменского народа.

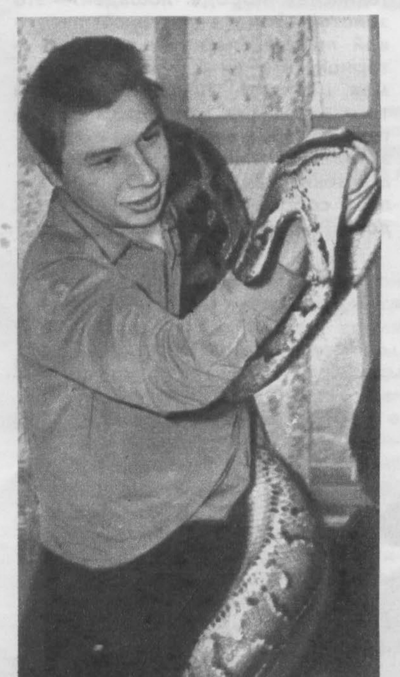

Наездник на Меле-Куше.

Репетиция с удавом

Ю. КРИВОНОСОВ

— Вас интересуют удавы? У меня дома живут два темных питона.

— А что вы с ними делаете?

— Готовлю к съемке советско-финской кинокартины «Сампо».

— Вы дрессировщик?

— Нет, студент.

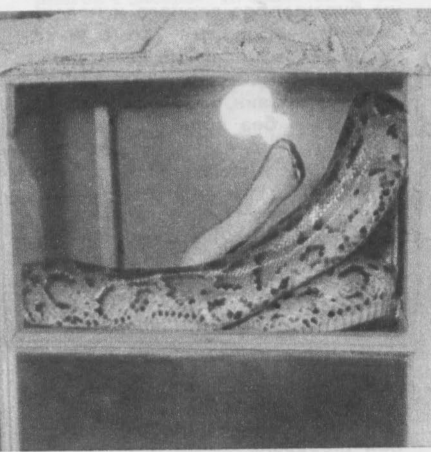
И вот мы на квартире студента биолого-почвенного факультета МГУ Вячеслава Березина. В небольшом застекленном шкафу — пестрая шевелящаяся спираль — удавы.

Вячеслав Березин достает одного из них. Удав стремительно раскручивается во всю свою пятиметровую длину и шипит, как проколотая автомобильная шина.

Начинается репетиция. Змея обвивается вокруг юноши. Надо приучить удава, который несколько месяцев назад был выловлен в Китае, к человеку, при этом не давая угаснуть способности бросаться на добычу: в фильме главный герой должен бороться с удавами, и важно добиться естественности этого эпизода.

Юноша очень внимателен. Нужно научиться понимать каждое движение змеи и быстро на него реагировать, а ведь условных рефлексов у пресмыкающегося добиться гораздо труднее, чем, скажем, у тигра. Кроме того, пасть у питона, как у собаки, а зубы поострей. Вячеслав сам это дважды испытал.

Борьба в разгаре. Главное, не дать сделать на себе три кольца: это очень опасно — немедленно может последовать железное объятие, из которого вырваться можно, лишь убив змею.

В ожидании своей очереди второй удав волнуется и стучит носом в стекло. Он меньше, в нем «только» четыре с половиной метра, но работать с ним трудней: он изворотливей, энергичней и злее. Однажды он вылез из шкафа через выбитое стекло. Вячеслава не было дома, и до его возвращения мать и сестра отсиживались в другой комнате.

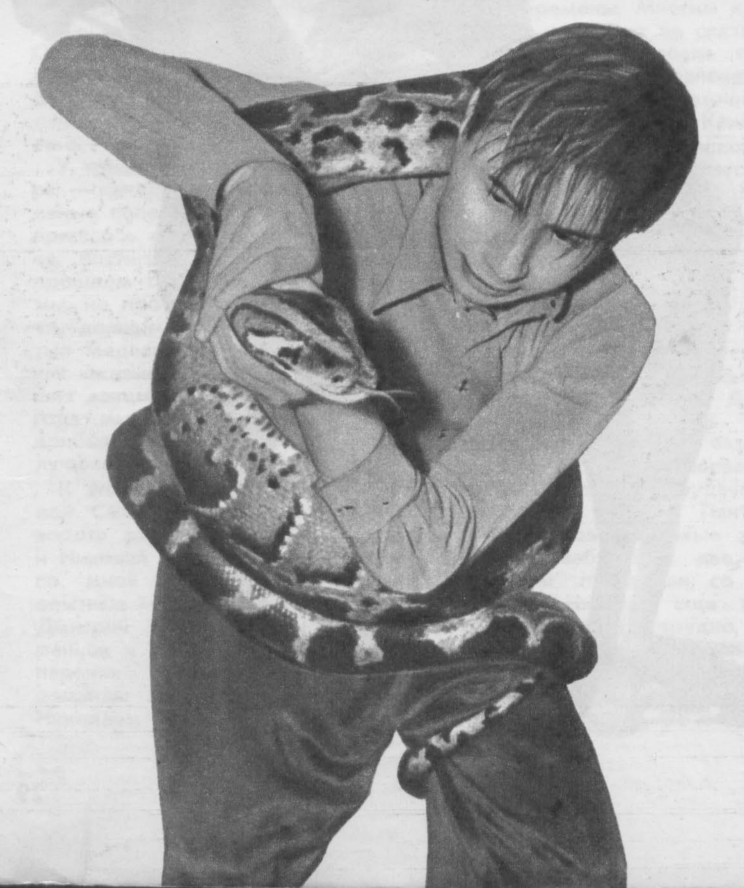

Нелегко водворить обратно в шкаф скрученные и вырывающиеся пятьдесят килограммов. Ольга Петровна охотно помогает сыну.

— Не страшно? — спрашиваем мы ее.

— Я уже привыкла,— смеется она.— Слава с одиннадцати лет занимается животными. Какого только зверья у нас не было: лиса, ящерицы, полозы, дикий кролик, саламандра!.. Правда, такие крупные, как питоны, впервые. У «змеиного шкафа» птицы в клетках спокойно высиживают своих птенцов, рядом на столе в других клетках прыгают и поют канарейки.

Да, после такой репетиции приятно послушать канареек!

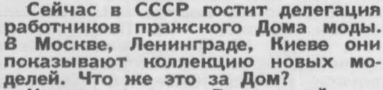

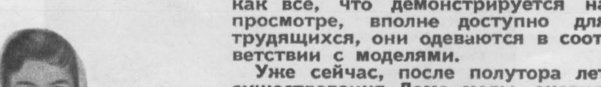
Пражский Дом Моды

Ольга и Павел БОЯР

Фото Е. Умнова.

Показ моделей пражского Дома моды в демонстрационном зале ГУМа.

Сейчас в СССР гостит делегация работников пражского Дома моды. В Москве, Ленинграде, Киеве они показывают коллекцию новых моделей. Что же это за Дом?

Находится он на Вацлавской площади. До позднего туманного вечера светятся теплым желтым светом окна его шести этажей. Дом моды стремится воспитывать хороший вкус у населения, внедрять новые текстильные и кожаные товары, сотрудничать с производством, пропагандировать современный стиль одежды.

В Доме моды продают главным образом экспериментальные товары. В постоянной палате образцов собраны все имеющиеся в продаже. К каждому предмету прикреплен ярлычок со сведениями о спросе, сбыте, замечаниях покупателей. Этот ярлык заполняет продавец.

Если уж зашла речь о продавцах, вернее, о продавщицах, следует отметить, что в Доме моды приятно покупать. Вас встречают любезно, внимательно, заботливо. Здесь не отделываются от покупателей неопределенным: «Зайдите через недельку»,— а точно отвечают, когда получат блузки из чесаного силона или новые модели вечерних туалетов.

Дом моды участвует в разработке новых, модных линий одежды. Для этого есть особый отдел моделирования, где определяют разные фасоны платья, выбирают материал, одобряют предложенные модели и, наконец, шьют их на постоянных манекенщиц Дома моды.

Просмотры этих моделей устраивают в больших залах Праги, Брно, Остравы... Зрители здесь узнают, какие платья будут носить, какие шляпы, сумки, туфли, украшения к ним следует подобрать, какая одежда хороша для определенного возраста или времени дня. А так как все, что демонстрируется на просмотре, вполне доступно для трудящихся, они одеваются в соответствии с моделями.

Уже сейчас, после полутора лет существования Дома моды, очевидно, что культура одежды у нас возрастает. В Доме моды покупают люди, приехавшие со всей страны.

Как же выглядит этот Дом?

На конкурсе витрин Прага — Берлин, проходившем в декабре 1957 года, Дом моды получил первую премию за оформление витрины обуви и кожаной галантереи и первую премию за оформление витрины тканей.

На первом этаже продается дамское и мужское белье. На стендах и прилавках лежат прозрачные силоновые рубашки, легкие и тонкие мужские сорочки различных фасонов и качества. Шелковые и шерстяные, белые и клетчатые... Сотни различных галстуков висят на специальных вешалках. Скоростной лифт в мгновение ока доставит вас на четвертый этаж. Здесь все для мужчин. Слева и справа — отделы трикотажа. Продавщицы не навязывают товара, но всегда готовы дать вам совет. Девушка терпеливо раскладывает новые и новые жилеты всевозможных оттенков синего, коричневого и серого цветов, цветные пуловеры для лыжных прогулок, строгие свитеры. Большую часть этажа занимают вешалки и прилавки. Здесь можно купить костюм для любого случая жизни: от халата до смокинга, от прорезиненного плаща до лыжных брюк.

В этом году ввели интересное новшество: продают раскроенные костюмы, подготовленные ко второй примерке. Портной, работающий на этом же этаже, примерит вам костюм, поправит, и через неделю вы можете его получить. Сидит великолепно!

Третий этаж — дамская одежда. Здесь все устроено по такому же принципу. В центре — готовое платье для всех случаев жизни, любого размера, разнообразного качества.

Этажом ниже продают обувь и сумки. Вам покажут туфельку на Золушку и удобные спортивные полуботинки на резиновой подошве, легкие мужские туфли-мокасины, которых не почувствуешь на ноге, и сапоги на меху. Прилавок с сумками привлекает внимание яркостью красок и элегантностью фасонов. Здесь всегда толпятся женщины. Не все покупают, некоторые просто любуются.

Наконец, еще этаж. Тут различные ткани, их расцветкам позавидует колибри.

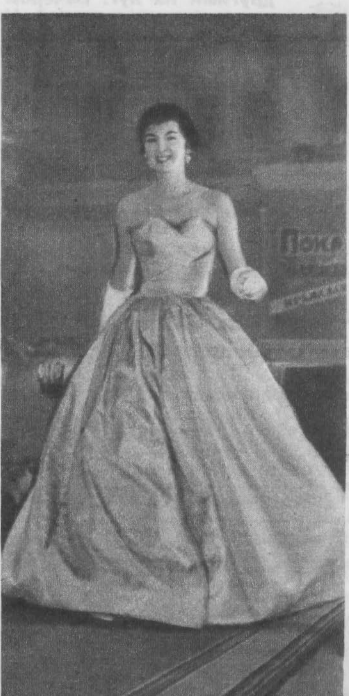
Трудно выбрать из сотни различных фасонов, цветов... Но наши модельеры выбрали. Выбрали и сшили более сотни моделей всевозможных видов одежды. И с этой коллекцией приехали в СССР, чтобы продемонстрировать советским людям чехословацкую моду.

Надеемся, что модели пражского Дома моды нравятся в СССР. Наш приезд укрепит дружбу между московским ГУМом и нашим Домом моды, дружбу, возникшую в декабре 1957 года. Тогда в Чехословакии показ моделей ГУМа вызвал большой интерес: более десяти тысяч зрителей посетили зал выставки и миллионы смотрели по телевидению.

Прага.

В Советском Союзе пражский Дом моды показал более 100 моделей. Дневные и вечерние платья, костюмы, пальто, спортивная одежда — все очень понравилось зрителям.

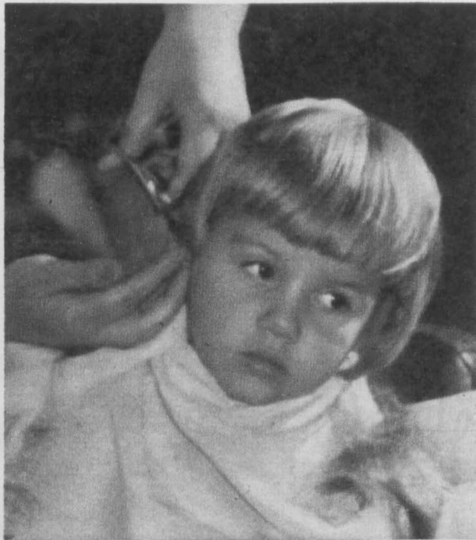

Сережа давно не стригся. Он ждал, пока откроется парикмахерская специально для детей.

Мама разрешила сделать «дамскую» прическу.

Як. БЕРЛИНЕР

Как постричь ребенка? В решении этого вопроса участвует много людей: папа, мама, бабушка, мастер и, конечно, сам клиент. Мы посетили одну из детских парикмахерских Москвы.

Жужжит, как оса...

КНИЖНЫЕ ЗНАКИ

ИЗ КНИГ А. С. ТИМОФЕЕВА

Обычно владелец книги ставит на ней свой автограф. Многие книголюбы, приобретая книгу, наклеивают на внутреннюю сторону переплета небольшие гравюры, исполненные на дереве или линолеуме,— книжный знак. Книжные знаки появились в России в XVIII веке, в то время они были привилегией вельмож и сановников. К началу XX века они получили широкое распространение среди владельцев личных библиотек. К созданию книжных знаков приложили свою руку виднейшие графики: Павлов, Остроумова-Лебедева, Хижинский, Фаворский, Рерберг и другие художники.

Ученый секретарь секции коллекционеров Ленинградского дома ученых Б. Вилинбахов за четверть века собрал большую коллекцию русских книжных знаков — более 15 тысяч. Среди них знаки Антиоха Кантемира, Державина, серия с изображением Пушкина и видами Петербурга.

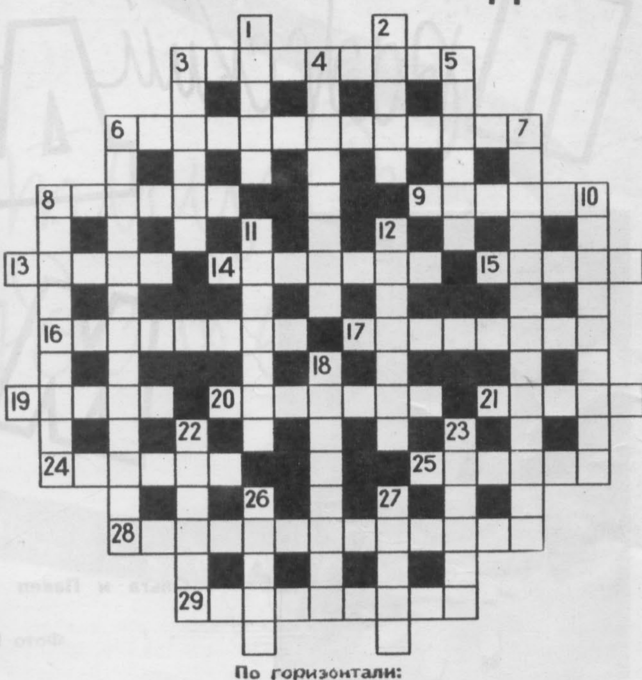
Коллекционер - исследователь составил картотеку, которая является дополнением к дореволюционному труду У. Иваска «Описание русских книжных знаков». Ему принадлежит ряд монографий об известных русских графиках, работавших над созданием книжных знаков. Вилинбахов составил описание книжных знаков библиотек Владивостока, Казани, Новгорода, Омска.

Ex Libris Б. А. ВИЛИНБАХОВА

В. БОГДАНОВ

город Костино.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Украинский философ и поэт. 6. Аппарат для сортировки измельченной руды, угля при обогащении. 8. Орудие для охоты на китов. 9. Парфюмерная посуда. 13. Пулеметчик в романе Д. Фурманова «Чапаев». 14. Плод томата. 15. Минерал, разновидность агата. 16. Место для бегов и скачек. 17. Река в Хабаровском крае. 19. Плодовое дерево или кустарник. 20. Животное прерий Северной Америки. 21. Старинный русский духовой инструмент. 24. Наиболее удаленная от Солнца точка орбиты планеты или кометы. 25. Часть здания. 28. Раздел математики. 29. Известковые образования на дне пещеры.

По вертикали:

1. Усовершенствованная дорога. 2. Деревянный или металлический сосуд. 3. Положение. 4. Образцовое литературное произношение. 5. Предводитель гуннов. 6. Работник печати. 7. Переустройство. 8. Помещение для приезжих. 10. Препроводительный документ к грузу. 11. Русский композитор и химик. 12. Соцветие кукурузы. 18. Город РСФСР. 22. Самая яркая звезда. 23. Военный сторожевой пост. 26. Летучая мышь. 27. Уступ на откосе земляной плотины, насыпи.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

3. Гелиофизика. 5. Динар. 7. Опекушин. 8. Контраст. 11. Гмина. 12. Левко. 14. Копал. 17. Триас. 18. Левин. 19. Коллекция. 20. Серов. 22. Калий. 23. Сагиз. 25. Спрут. 26. Анива. 27. Ефрейтор. 29. Лавочкин. 30. Макет. 31. «Валленштейн».

По вертикали:

1. Почин. 2. Бивак. 3. Геркулес. 4. Астрагал. 5. Динго. 6. Ропак. 7. «Отверженные». 9. Таджикистан. 10. Симметрия. 12. Лагос. 13. Кроки. 15. Олимп. 16. Легат. 21. Васнецов. 22. Курочкин. 24. Залом. 25. Салат. 28. Ранет. 29. Левша.

Утка-мать

Решив развести гусей, мой брат, проживающий в пригороде Тулы, посадил на гусиные яйца гусыню и утку. Когда появились гусята, утка ухаживала за ними, но потом всех птенцов отдали гусыне, а утку прогнали вместе с другими на луг. Вечером утка не вернулась домой. Наутро начались поиски пропавшей птицы. Бродя по неглубоким заводям на берегу реки, брат заметил над одним из островков беспокойно летающую дикую утку, которая то опускалась в заросли, то взлетала. На островке оказалась домашняя утка, пристроившаяся в чужом гнезде. Брат взял ее, и в этот момент из-под утки выбежали пять диких утят. Их оставили в гнезде. Дикая утка, едва брат отошел от островка, камнем кинулась в заросли. А домашней утке вернули выведенных ею гусят.

М. ИГНАТОВ

Москва.

На вкладках этого номера репродукции картин: Л. Котлярова «На фронт», Я. Ромаса «Утро», С. Чуйкова «Дочь чабана», М. Сарьяна «Арарат из Бюракана», А. Аракеляна «Аисты» — и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** Оформление И. Уразова

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00918. Подписано к печати 29/I 1958 г. Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 300 000. Изд. № 7. Заказ № 97.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Кострома

Слова А. ЖАРОВА.

Музыка А. БАБАДЖАНЯНА.

Лирическая песня

Вот-вот уйдет с привольного простора
В далекий край, в холодный край зима.
И вспомню я, что есть хороший город,
Старинный русский город Кострома.

Шумна под вечер волжская сторонка,
Слышны гудки речные вдалеке...
Идет к реке фабричная девчонка
В своем нарядном шелковом платке.

Платок, подарок мой, скажи на милость,
Ужели третий год хранит она?
Ужели с той поры не замутилась
Ее глубоких глаз голубизна?..

Крутым путем, дорогою метельной
Ушла разлука и прошла зима.
И для меня отныне нераздельны—
Весна, любовь и город Кострома.

Цена номера 3 руб.